

Уважаемый Канта Хамзатович!¹

С этим письмом я высылаю вам фотокопии двух виньеток, которые может быть, у вас сохранились, а может, и нет. Это фото после окончания первого и десятого классов. Первое фото — 1968 год, школа № 41 г. Грозного, 1 В класс. Посередине наша учительница Анна Борисовна (фамилию не знаю и не помню). Справа, вторая от неё — это я — Кобиашвили Тамара Салмановна. Вспомнили? Второе фото — это уже 1977 год, школа № 2, 10 В физико-математический класс. Здесь фамилии уже прописаны и вы меня сами найдёте. И себя найдёте. Тогда вы были Николай, точнее, просто Коля. Хотя вы и тогда это имя не любили и всегда говорили, что вас зовут Канта. Впрочем, так вас и дома, и во дворе, и близкие в школе называли. Однако для меня вы были и остались в памяти Колей, Николаем. Это тот Коля, с которым я в школе училась, с которым я была на ты. А сегодня — писатель. Никогда бы не подумала и не поверила бы. Хотя, если по-честному, ты всегда был такой. И даже по виньеткам это видно. На фото после первого класса тебя поставили последним, в край-

нем правом углу, где ты стоишь, подбоченясь. Ну, а по окончании школы, хотя ты и не был отличником, только ты и Шмелькова попадаете на самый первый ряд, прямо среди учителей и руководства школы. Со Шмельковой всё понятно — у неё мама была завучем школы, и она получила Золотую медаль, а ты?

...Коля, прости, что перешла на ты. У меня к тебе просьба. Но до этого не могу не высказать тебе давнишнюю, с самого детства, претензию, которую ты недавно вновь растормошил. Я часто смотрю чеченское телевидение. И вот очередное твоё интервью по поводу открытия в Грозном большой физико-математической школы, которой присвоили имя твоего отца.

Ты говоришь о том, что в советской Чечено-Ингушетии, когда всё было подчинено, прежде всего, образованию — в республике был лишь один специализированный физико-математический класс, а теперь, когда чеченцы во главе — целая физмат школа. И при этом ты, как бы невзначай, подчёркиваешь: «Я был единственный чеченец в классе».

Вот каким был, таким и остался — националистом! И никакой ты, конечно, не Коля, а точно Канта. Ты и в школе был такой же. Помнишь,

¹ В сокращённом варианте.

я показала тебе свой паспорт, где в графе «национальность» (в паспортах национальность указывалась) было написано «чеченка», на что ты сказал: «Ошибка природы».

И как ты стал писателем? Гуманист. На уроке русского языка и литературы тебя сажали на последнюю парту, а наша пожилая учительница, которую, кстати, все в школе боялись — Вера Константиновна, ещё в 9-м классе прямо на уроке при всех сказала: «Ибрагимов, от твоего взгляда у меня вот здесь очень болит... Давай договоримся, ты не ходишь на мои уроки, а я ставлю тебе четвёрки всегда и везде». Тогда я не знала, что она показала на правое подреберье — печень (ты у меня в печёнках сидишь). И до сих пор помню, как ты, радостно размахивая пустым портфелем, выскочил из класса... Однако, этот договор тебя не спас. Уже в десятом классе

Веру Константиновну уволили. Из-за меня. Говорили на уроке о Сталине и, вдруг, Вера Константиновна выдала, что моя фамилия Кобиашвили, может быть, в честь великого вождя народа, ведь его подпольная кличка Коба. Ничего не подозревая, я спросила об этом у отца. Мой отец чеченец, кистин, родом из Грузии. Он рассказывал, что во времена того же Сталина всем чеченцам, проживающим в Грузии, к фамилиям приписали окончание «швили», чтобы их не депортировали в феврале 1944 года. Отец, будучи военным, среагировал на мой вопрос о Кобе по-военному, быстро и решительно. Он пошёл в школу — был скандал. Веру Константиновну уволили, а моего отца перевели служить на Чукотку... Там, по официальной версии, в результате несчастного случая мой отец погиб. Мы с матерью, к слову — эстонкой по происхождению, в то время оста-

Канта Хамзатович Ибрагимов родился в 1960 г. в Грозном. Окончил среднюю школу № 2 (1977), экономический факультет Чечено-Ингушского государственного университета (1982), аспирантуру и докторантуру (1996) Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева, доктор экономических наук, профессор (1998), академик Академии наук Чеченской Республики (2004), председатель регионального отделения Чеченской Республики общероссийской общественной организации писателей «Литературный фонд России». Автор более 20 научных и учебно-методических работ; романов «Прошедшие войны» (1999), «Седой Кавказ» (2001), «Учитель истории» (2003), «Детский мир» (2005), «Сказка Востока» (2007), «Дом проблем» (2009). Лауреат Государственной премия РФ, международной литературной премии «Белые журавли России», (2013), литературной премии имени Р. Гамзатова (2013), V11 международного конкурса научных работ им. Ю. А. Жданова (2013), Всероссийская премия «За верность слову и Отечеству» им. А. Дельвига (2013), финалист национального конкурса «Книга года» (2015), дипломант Международной Лермонтовской премии (2015). Награжден Орденом имени А. Кадырова (2015), благодарностью Председателя Государственной Думы Федерального Собрания РФ, международными премиями имени В. С. Пикуля (2018) и имени Фазиля Искандера (2018), Орденом Дружбы (2019), дипломом литературно-общественной премии «Гранатовый браслет» им. А. И. Куприна, медалью «М. А. Шолохов» (2020).

лись в Грозном, чтобы я не прерывала учёбу, закончила выпускной класс... По русскому языку и литературе появилась новая учительница, и тебе пришлось ходить на занятия. По всем предметам у тебя были оценки «хорошо» и «отлично», кроме русского языка и литературы. Чтобы «спасти» аттестат, тебе нужно было написать выпускное сочинение на «отлично». На экзамене все списывали со шпаргалок, но ты даже со шпаргалки не мог списать без ошибок. Я хорошо это помню, ты всегда поддевал меня, говорил, что ты такого-то тейпа, такого-то пути (некъ) и, наконец, из Ибрагим-гара². И когда ты вырастешь и непременно станешь знаменитым, ты, как окончание фамилий у грузин, армян и азербайджанцев, добавишь к своей фамилии «гар» и будешь Канта Ибрагим-гар, чтобы идентифицировали тебя как чеченца. Первую половину своего обещания ты в моих глазах исполнил. Надеюсь, пойдёшь до конца. Я это вспомнила потому, что ты дразнил меня «Эй, Коба-гора!» А когда тебе нужно было списать у меня задание по русскому языку, ты менял интонацию и мягко называл меня «госпожа Кобиа-гар».

Кстати, ты и тогда, и сейчас говоришь по-русски с акцентом. И этот акцент явно прослеживается и в твоих текстах. Но это так, старческие воспоминания. По настоящему — моё послесловие. И так много хочется сказать, есть что сказать, но, оказы-

вается, на бумаге изложить не просто. Во всех отношениях очень сложно. Ведь это документ, а не сплетни и болтовня.

...Впрочем, возвращаясь в счастливые школьные годы... Директор школы, Лопатин, был физик, ученик и друг твоего отца. Он решил тебе помочь. Нужна была шариковая ручка, которой ты писал сочинение, чтобы все твои ошибки и недочёты исправить и вывести 5/5 и в аттестате «хорошо» по русскому языку и литературе. Интересно, помнишь ли ты это? А я хорошо помню, потому что наша классная, видимо, зная моё отношение к тебе, позвонила мне домой. Я побежала на стадион «Динамо», где ты на «опилках» футбол гонял. Как обычно, ты лишь махнул рукой. Тогда побежала к тебе домой. Твоя мать достала ручку из твоего потрёпанного портфеля, который всегда валялся у двери. Откуда я знаю эту подробность? Твоя мать тогда сказала: «Канта вечно бросает портфель у порога, не хочет учиться. Говорит, что станет писателем». Да, в школе ты писал стихи... В одном из интервью ты говорил, что по заказу старшего брата сочинял стихи и если они нравились его подругам, то он тебе платил. Мол, это твои первые и, увы, последние гонорары за литературный труд. Кстати, теперь я понимаю, что я присутствовала при твоём литературном становлении. Об этом ты, наверное, тоже не помнишь, а я напому. По окончании школы, ты и ещё двое мальчиков из нашего

² Гар (чеч.) — поколение, род.

физико-математического класса по итогам выступления на всесоюзной олимпиаде получили возможность быть зачисленными без экзаменов на физический факультет МГУ, что было очень и очень круто во все времена. Однако твой отец, аспирант этого же факультета МГУ, а в то время проректор по научной работе Чечено-Ингушского госуниверситета, запретил тебе ехать в Москву, мотивируя своё решение тем, что в столице учатся два старших сына и дочь. Содержать всех в столице накладно. По велению отца пришлось поступить на физфак местного университета. Решение отца — закон и обсуждению не подлежит! Интересно, а нынешнее поколение чеченских детей, в частности, твои дети, такие же послушные, или глобализация и интернет тоже господствуют в современной Чечне? Впрочем, это так, к слову. А тогда, летом 1977 года, я помню, как ты был зол. Ведь физфак ЧИГУ — учитель физики — это полный отстой. Не то, что конкурса нет — недобор. А чеченцы вообще на физфак по доброй воле не шли — учиться тяжело, да и не престижно. Первые три экзамена — математика и физика (письменно и устно) ты не сдать не мог. А вот последний экзамен, одинаковый для всех — сочинение (русский язык и литература) ты решил провалить, в знак протеста, и пойти в армию. Откуда я всё это знаю? Ты говорил. Напомню. Я хотела стать врачом. В Грозном медицинского вуза не было, но на республику выделялись места в мединституты

других регионов. Среди остальных много мест было в грузинские вузы... Вот и я, как и ты, три экзамена сдавала и, как сейчас помню, пришла на последний — сочинение. Этот экзамен все абитуриенты сдавали вместе. В огромном спортивном зале были расставлены столы и нас вызывали по списку, по алфавиту. И надо же такому случиться — я оказалась прямо за тобой. На доске были написаны четыре темы сочинения, на выбор. Последняя тема — свободная. Почти у всех были шпаргалки: такие маленькие фотки, которые продавались прямо перед спортзалом. Все списывали. Преподаватели делали вид, что не видят. Вдруг, к тебе подошёл один из них и по-чеченски сказал: «У тебя что, нет шпаргалки?» «Нет», — ответил ты. Преподаватель отошёл. Я тебе сразу же предложила шпаргалку. У меня были на первые три обязательные темы, но ты небрежно отказался. Чуть позже и этот преподаватель принёс тебе шпаргалку, но ты сказал, что пишешь сочинение на свободную тему, которая примерно называлась так: «Молодые строители коммунизма в легендарных творениях Л. И. Брежнева».

Я не знаю, что ты писал и как писал, но ты так завёлся, что даже через три положенных часа не сдавал работу, так погрузился в текст и я до сих пор с удивлением помню, как преподаватель говорил тебе: «Всё, хватит. Достаточно». На что ты ответил: «Ещё немного. Я не до конца раскрыл тему».

Списки с оценками вывесили через день. Я получила «хор/хор», был жёсткий конкурс и я ещё не знала, прошла отбор или нет. А вот твой случай — уникальный. У физиков недобор. Всего двадцать пять (кажется) человек и почему-то красным выведено «5». Смотрю, фамилия Ибрагимов Н. Х., а более Ибрагимовых нет. В тот же день ты рассказывал нашим одноклассникам, а потом об этом услышала и я, что филолог, профессор Дулейран, сказал твоему отцу, что сыну надо было поступать не на физический, а филологический факультет. К чему я всё это? Даже не знаю. Просто после этого мы никогда не виделись и вряд ли увидимся... Но ты нас всех удивил. Стал писателем. И мой предыдущий опус о том, что это — не случайно. И мы с подружками-одноклассницами, нас немного осталось в контакте Инета, когда общаемся, почему-то постоянно речь заводим о тебе и литературе. Признаюсь, в этом нам повезло. Не из каждого класса и даже школы вышли персоны, о которых можно было бы повспоминать, поговорить.

Только, пожалуйста, не возгордись. Хотя в нашем возрасте это уже не грозит. И следя за твоими интервью, мне кажется, у тебя звёздная болезнь не появилась и впредь вряд ли появится. Поэтому я пишу тебе это пространное письмо с просьбой. А заодно — кое-что выложила, что подогревает память.

Впрочем, о просьбе... Наш одноклассник Миша Хазин сообщил

в группе, что общается с тобой, был в Грозном, был на кладбище у консервного завода. Что вы вместе долго искали могилы его бабушки и близких родственников. Не нашли. Обратились по объявлению к местной фирме, и они всё нашли. А ты, Канта Хамзатович, даже через местные органы сделал копии справок о смерти тех лет и даже восстановил копии «Домовых книг» с пропиской. Знаю, что это нелегко. Но если возможно, помоги. В любом случае спасибо. Жизнь позади! Прощай, Коля! Прощайте, Канта Хамзатович.

Р. S. По правде, послесловие — это то, что я наговорила до сих пор. А только теперь то, о чём хотела попросить. А если честно, то я и не знаю в чём моя просьба. Просто я высылаю тебе записи. Это — не дневник, а именно записи, сделанные несистемно, хаотично. Сделал их мой первый муж, который погиб в Грозном во вторую военную кампанию, в 2000 году. Ты его знаешь, должен помнить и знать — Тота Болотаев³. Тота, или как его все называли — Тотик, учился в параллельном классе. Это был прирождённый артист, танцор: тонкий, мягкий, пластичный, очень симпатичный, очень замкнутый, и нелюдимый. Его мать была актрисой театра. В одиночку она растила сына. Они жили в одной комнате в общежитии «Актёр». Почему-то ты к нему относился не очень хорошо. В седьмом-восьмом классе ты, все го-

³ Многие имена и события вымышлены.

ворили, ни за что его побил и даже твой друг Руслан Бекмурзаев тогда тебя назвал дикарём, варваром... Кстати, говорят, вы с Русланом только двое остались в Грозном из нашего класса, и вы до сих пор дружите. Большой ему привет!

И ещё, из нашего класса больше половины уже нет. Даже до пенсии мало кто дожил. Однако я о Тоте Болотаеве. Приведу ещё один эпизод из нашей жизни. После восьмого класса нас летом, повезли в винсовхоз «Авангард», что за Терекон, подвизывать лозу виноградников, делать обрезку и прочее. Как-то в полдень нагрязнула гроза. Мы побежали в лагерь. После обеда дождь перестал. А вечером, как обычно, танцы: мелодии и ритмы зарубежной эстрады. Ну а ты, тоже как обычно, о национальном — лезгинка! Ты везде был первый — в физике, математике, в беге и баскетболе, а вот танцевал — как топор. Мы все хохотали. Но выходил Тота! Как я с ним танцевала! Ведь мой отец мечтал, чтобы я всё чеченское знала, и я училась лезгинке.

Ты, как тебе захотелось, врубил «Бони М», под них танцевать много ума не надо (но это так, к слову, прости) и пригласил меня, а я сказала, что забыла в винограднике свою сумку. И мы с тобой пошли за ней. Оказалось далеко, к тому же мы чуточку заплутали. А когда уже возвращались, были густые сумерки, а у канала, что вдоль лагеря протекал, нас ждал Тота, точнее, меня. Он что-то сказал, ты его сходу, без слов, ударил и ушёл. Тота

от боли присел. Я присела рядом, погладила его и даже слегка поцеловала его каштановые кудри.

...После вступительных экзаменов в вузы наши пути разошлись навсегда. Отца у меня уже не было. Как семье погибшего военнослужащего нам с мамой предложили либо двухкомнатную квартиру в посёлке под Благовещенском, либо комнату в коммуналке под Тбилиси. Я никак не ожидала встретить Тоту в Тбилиси. Он меня с цветами ждал около мединститута. Мы поженились. Было трудно. Бедно. Но самое невыносимое — Тота был ревнив и почти каждый день, даже увидев бутылку виноградного вина, он меня мучил, напоминая о том походе за моей сумкой в виноградники... И если бы тогда ты меня хотя бы пальцем тронул или что недопустимое сказал? В общем, через полгода мы разошлись. Мы с мамой уехали в Таллин. Там я продолжила учёбу в мединституте. Там же я познакомилась со вторым мужем. Он был нашим преподавателем, на пятнадцать лет старше меня. Человек был замечательный, добрый... Когда рушился СССР, муж получил приглашение на работу в Америку, а потом мы переехали на постоянное жительство в Канаду. Супруг занимался автотонками. В аварии погиб.

...Моей маме 87. Она ещё бойкая, живая, слава Богу. Две дочери, пятеро внуков и внучек. Когда я спрашивала мужа, какой он национальности, он всегда смеялся и говорил, что в нём перемешано много кровей, кроме

чеченской. Зато мои внуки танцуют «Маршал» и при этом кричат «нохчи ву!» Знаете, Канта Хамзатович, как ни пытаюсь, а это не первое письмо вам, я не могу вам объяснить смысл своего послания. Может, вы всё поймёте из «Записок» Тоты. А, может, и нет. В любом случае, вы писатель и я думаю, что «Записки» должны быть у вас и их судьба в ваших руках. Но это вас ни к чему не обязывает. Как развелись в 1983 году, я Тоту не видела и связи никакой у меня с ним не было.

В 2007 году моя подружка и наша одноклассница Наталья Морозова сообщила, что после гибели Тоты некоторые из его вещей остались у соседей. Так мне в руки попали эти «Записки», а теперь я очень хочу, чтобы они вернулись в Грозный. В наш Грозный. В город, в котором я росла, училась, влюбилась, жила!

А вот теперь P.S. В «Записках» были страницы и про меня. Простите, но я их вырвала. Тогда Тота был очень молод и даже в записях очень искренен. Отдельный поклон за «Седой Кавказ», за Лорсу — ведь это одноклассник Тоты. И за «Дом проблем». Почему? Сами, может, догадаетесь, прочитав записи Тоты. ...Дети Тоты живут в Швейцарии, дружат с моими детьми. Были здесь, и мои были там. Я уже давно не хожу, доживаю. Писала это длинное письмо трудно и долго. Переписывала не раз. Жаль, что жизнь не перепишешь. А может, и к лучшему. Моего, нашего Грозного уже нет. К счастью, есть новый Грозный — красавец! Так хотела поехать,

так хотелось увидеть места моего детства и юности. Не смогла. Не судьба. И, по-моему, судьба нашего поколения грозненцев очень тяжёлая. Все годы двух войн, эти страшные годы и события, я не отрывалась от экрана. Как ныло сердце, болела душа. Даже здесь, в Канаде. И это никому не объяснить, и никто не поймёт. Знаешь, я взяла фамилию Тоты когда поженились. Потом, когда погиб второй муж, по делам наследства я вновь поменяла фамилию на эстонский лад. Ну, а когда в разгаре была вторая чеченская война, всех чеченцев буквально бомбами уничтожали, я не в знак протеста, а как росток выживания — кто как поймёт — сохранила имя Тамара, что отец мне дал в честь грузинской царицы Тамары, а вот изначальную фамилию я свою вернула, только отныне на чеченский лад. И особо отмечу, что двое моих внуков добровольно этому же последовали...

Так что, как говорится, без комментариев. Огромное спасибо!

Простите за сумбур мыслей, воспоминаний и кучу просьб. Простите за всё! Как будто заново жизнь прожила. Прощайте!

Тамара Кобиа-гар!

Canada, 2019.

* * *

В институте культуры я считался, пожалуй, лучшим драматическим артистом — перспективе. Я это вспомнил, наверное, потому, что перспектива оказалась совсем иной. Помню, как в студенчестве я играл молодого

миллионера в спектакле по роману Т. Драйзера «Гений». И как за специальность «Вхождение в образ» получил «отлично».

Теперь мне под сорок, и по решению суда я получил двенадцать с половиной лет строгого режима за особо крупное мошенничество и все — от адвоката и судей до охранников и сокамерников — считают, что я миллионер, к тому же долларовый, и здорово прикидываюсь, что за душой ни гроша нет.

К сожалению, нет. Ничего семье не оставил... Однако, всё время заключения не это гнетёт меня. От другого очень тяжело и больно. От того, что не рассказал матери, что отомстил. Точнее, не то что отомстил, а как мне кажется, я исполнил вроде бы её давнишнее потаённое желание... Но почему я ей об этом до этого не рассказал? Почему?

...Я у матери-актрисы был один. Мы ютились в очень маленькой комнатёнке; вернее, это было какое-то подсобное помещение под лестницей старого жилого дома в центре Грозного. Нашу подсобку в десять метров, с форточкой и без всяких удобств, мне даже вспоминать, а не то что описывать, тяжело. В этом доме жила старая грозненская интеллигенция, и когда моя мать уезжала на гастроли, то меня забирали, да-да, забирали к себе наши пожилые одинокие соседи — русские, евреи — и они меня многому учили: музыке, рисованию, пению, но только не танцам, которые я с детства очень любил. Потом маме

выделили большую светлую комнату с большим окном в общежитии «Актёр». Это был наш праздник! Сколько радости и счастья! Правда, и неудобства. Далеко от центра и моей школы № 41, что напротив стадиона «Динамо». А ещё — кругом был частный сектор, где проживало много чеченцев, перебравшихся из сёл. Их дети, мои сверстники, были очень драчливыми и агрессивными. Я их всячески избегал, но они почти каждый день ко мне приставали. Мне было лет четырнадцать-пятнадцать, когда мать подарила мне книгу «Обещание на рассвете» Ромена Гари. Я этот роман перечитал, будучи уже взрослым. И конечно, это уже иное восприятие прекрасного произведения. А тогда, в подростково-юношеском возрасте, этот автобиографический роман оказал на меня колоссальное воздействие.

И, скорее всего, под впечатлением юношеских воспоминаний, я сегодня делаю эти записи, подражая автору «Обещания на рассвете», хотя понимаю, что литературного таланта у меня нет. Впрочем, я делаю их для себя. Как оправдание. Короче... как говорят здесь, в неволе...

Как-то шёл я со школы... Я специально написал со школы, а не домой, потому что в тот день мне многое прояснили. И теперь я понимаю, что эти дети-подростки, мои сверстники говорили то, что говорили в их домах.

В общем, я иду. Меня окликнули. Возле парка кучка подростков-чеченцев.

— Ты куда, Тотик? Иди сюда... Домой? Так разве это дом? Это общага. А где твоя мать? Она артистка? Снова на гастролях? Бросила тебя одного?

— Никто меня не бросил, — насто-роженно ответил я.

— Слушай, Тотик. А из какого ты села? Какого ты тейпа? И вообще, кто твой отец? Не знаешь?

— Ха-ха-ха! — дружный смех. — А мы знаем. Ты безродный ублюдок. Ты — къут1а⁴!

... Если бы мне сегодня кто-нибудь такое сказал, то я бы засмеялся над его убожеством и попросил бы, чтобы он предоставил справку «о благородном, чистокровном происхождении». И понятно, что это, быть может, было в основе бытия и истины, когда племена жили в пещерах и в ущельях, или на постоянной основе в аулах и родовых башнях. Однако после многолетних войн XIX века, а тем более после поголовной депортации (геноцида) в Сибирь и Казахстан, а потом снова войны, войны, войны, когда все бегут и как могут, и могут, существуют, говорить о происхождении...

Так я мыслю сейчас, став взрослым, к тому же в неволе ужасной российской тюрьмы, где всё это вышибается из мозга и души... А тогда, в подростковом возрасте, услышать от сверстников такое...

... Их было много, они были и сильнее, и взрослее меня. Но я кипел, тяжело дышал. Сжимал в бешенстве и бессилии кулаки. Однако, эти паца-

ны на этом не успокоились и упомянули мою мать. Вот когда я лишился рассудка, бросился вперёд... Какие-то молодые люди, кстати, русские, привели меня домой. Точнее, к общежитию.

... Мама всегда покупала мне очень красивые вещи. И в этот день я был в светлом костюме, который теперь был без пуговиц, в грязи и крови. И я не хотел идти в комнату, ведь я защита и опора матери. И недаром мать дала читать «Обещание на рассвете». Там автор, ещё подросток, защищает и отстаивает честь своей матери, направо и налево раздаёт оплеухи всем, кто даже не так посмотрел в её сторону. Мне трудно представить общество, где подросток так себя ведёт. В Грозном я такого не видел. К тому же мать всегда мне говорила: «В Священном писании сказано — ударили по правой щеке — подставь левую. Однако лучше сделать так, чтобы вообще не били. И запомни, избегай тех мест, где господствует сила. Жить надо там, где господствует культура и красота». Я был побит. Побит и оплёван. И всё это было не страшно. Страшно было показаться в таком виде перед матерью. Впервые я пожалел, что мать не на гастролях. Надеюсь, что она на репетиции, я всё же пошёл домой, и у подъезда лицом к лицу столкнулся с ней. Моя мать — всегда красивая, ухоженная, благоухающая — увидев меня, не на шутку разозлилась.

Не всё, но кое о чём, как было и что случилось, я матери вкратце изложил.

⁴Къут1а (чеч.) — незаконнорожденный.

— А ну пойдём! — она схватила меня за руку и буквально потащила за собой через всю улицу. Точно такая же ситуация описывалась и в романе Романа Гари «Обещание на рассвете». И так же как и там, я пытался вырвать свою руку из руки матери, и мне было и стыдно и неловко, но я и не знал, что у матери так много силы. И с этой неожиданной силой и энергией, как защищающая своё потомство волчица, она бросилась на моих обидчиков — эту свору мальчуганов. У последних тоже оказались свои матери и даже отцы. Мою мать швырнули на асфальт. Со слезами и криками я бросился на толпу...

Поддерживая друг друга, хромая и еле-еле волоча ноги, под раскатыстый хохот, свист и оскорбления мы с матерью ушли в полузаброшенный, заросший Летний парк. Мать всегда меня предупреждала, чтобы я ни в коем случае не приближался к этому опасному во всех отношениях парку, где находили приют лишь изгои. А теперь здесь плакали, здесь прятались мы. Вид у нас был настолько истерзанный, что мы ждали, когда стемнеет и в общежитии все лягут спать, чтобы пройти в нашу обитель незамеченными.

* * *

Наша комната в общежитии принадлежала государству и была нам выделена государством. Как я позже узнал, мы в ней были прописаны, то есть к ней привязаны, о чём свидетельствовал штамп в паспорте

матери, где указан был и я. Комната довольно большая — двенадцать квадратов. Дверь да окно. Более удобств не было. Женская комната и душевая — на первом этаже. Мужчины бегали на улицу. И это было счастье. В комнате у окна стоял старый, взятый в прокат, шифоньер, за которым у окна и батареи располагалась моя кровать. За шифоньером, огороженный от меня, был большой диван с чёрной потрескавшейся кожей и скрипучими пружинами, на которых неудобно было сидеть. Я всегда удивлялся, как мать умудрялась на нём спать и при этом она боялась менять позу, чтобы ржавые пружины не беспокоили меня. Когда мать поздно, после спектаклей, возвращалась домой, она включала ночник и что-то тихо долго делала, обычно шёпотом читала, заучивала роли и песни. И в ту ночь она включила ночник. Мы сели на диван. У этого дивана была характерная для таких пружинных диванов особенность — выпуклый по центру, так что удобно было сидеть только по краям. Так мы и сели, как бы сторонясь друг друга.

— Тота, — голос матери стал хриплым, старческим. — Я давно хотела рассказать. Должна была рассказать, но всё откладывала, не решалась. Теперь надо. А то другие наврут. — Она замолчала, заплакала, нервно теребя в руках платок, испачканный нашей кровью, соплями и слезами.

— Я постоянно пытаюсь всё забыть. Иначе, если думать об этом ужасе — жить невозможно. Я боюсь

это вспоминать. Больно об этом говорить, словно заново всё это проживаешь. Поэтому всё откладывала. Знаешь, Тота, эти подростки говорят то, что говорят взрослые... А ты запомни одно — только время покажет, кто кем станет, кто кого как воспитает и кто какой след на земле оставит. И главное, что ты был, есть и остался в памяти людей человеком. Что ты никому не навредил, не мешал жить и сам жил как человек, а не как себялюбивая дрянь... А теперь история. О себе. О нас. Когда нас выселяли в 1944 году, мне, вероятнее всего, было лет пять-шесть. В моём паспорте так и записано — дата рождения 1939 год, без дня и месяца. И даже без указания места рождения. Ты это знаешь. А год рождения я примерно определила по тому, что моя старшая сестра уже пошла в школу и я смутно помню, как я за ней в школу рвалась. Я чётко стала понимать и сейчас почти всё помню со времени как попали в пустыню Казахстана. Я всегда была голодной. Я всегда хотела есть. Мне всегда было холодно. Поразительно, что с нами не было ни одного мужчины и даже мальчика. Я помню, как умирала моя мать. Как она задыхалась в бреду, как стонала... И когда она утихла, напоследок тяжело вздохнув, нам с сестрой, как кажется, даже стало легче... Потом стало теплее. Весна. Около нас протекал канал. Вдоль него стала просыпаться зелень. Как-то моя сестра сказала, что нашла крапиву. Её можно есть. Я стала жевать, не смогла, выплюнула. А моя се-

стра к ночи опухла и через день-два умерла. Тиф стал косить всех. Одна я не заболела.

В один день тётя повела меня с собой. Мы шли долго, до обеда. И всю дорогу мне тётя тысячу раз говорила одно и то же, что я *нохчи ю*, что я из такого-то села, такой-то гар и такой-то фамилии. И моего деда зовут так-то, а отца так-то. И даже не раз заставляла меня всё это повторять. И, наверное, я всё повторяла, но всё забыла, потому что мне было голодно, холодно, страшно. Дошли до пустынной железной дороги.

— Мариам, ты должна идти. Хочешь — туда, хочешь — в другую сторону, — сказала мне тётя.

— Зачем? — удивилась я.

— Там найдёшь хлеб. Еду. Жизнь.

— А ты?

— Я должна пойти обратно.

— А моя мама, сестра?

— Они тебя тоже там ждут.

— Где?

— Везде. Иди, куда хочешь.

— ...На всю жизнь я запомнила этот момент. Сделав несколько шагов по шпалам, я испугалась, развернулась и побежала назад:

— Деца⁵, деца, стой!

Тётя развернулась.

— Стой! — крикнула она, выставив вперёд руку. — Ты голодная, ты есть хочешь? — жёстко спросила она.

Я в ответ только плакала.

— Если хочешь есть, хочешь жить, иди! А что там тебя ждёт, — она вы-

⁵ Деца (чеч.) — тётя.

тянула руку в степь, — сама знаешь.

Она ушла, а я ещё долго стояла, рыдала, кричала ей вслед, стоя на месте, пока она совсем не исчезла за горизонтом. С тех пор я была одна... Пока не появился ты.

— А ты тётю ещё увидела? — спросил я.

— Нет, — твёрдо ответила мать. — В 1960 году, когда наш театр выступал в той области, я специально поехала в то место, но откуда я знала, где я была, куда шла? Ничего и никого... Прошло более пятнадцати лет. Песок, барханы. Всё замело. А, может, я вообще не туда поехала, не там искала. Я ведь точно ничего не знала. Но один местный казах рассказал, что туда после прибыли военные и всё и всех сожгли, чтобы не разошлась зараза.

Я и сейчас, когда вижу ребёнка пяти-шести и даже семи-восьми лет, поражаюсь, даже представить не могу, как можно было дитё куда-то в пустыне вслепую отправить? Неизвестно куда... Оказывается, всё можно. Жизнь, точнее неминуемо надвигающаяся смерть — в виде чумы, фашизма, коммунизма или любого иного гнёта и бесчеловечности, заставляет людей идти, ползти, да хоть как-то жить, точнее — существовать. Скажу честно, до тех пор, пока ты не появился в моей жизни, продолжала мать, во всех своих бедах и страданиях, а их у сироты было очень и очень много, я винила тётю. Но когда появился ты и в первую ночь, прижимая тебя к груди, я почувствовала,

я вспомнила запах, аромат и тепло груди моей мамы — прямо посреди ночи, я свершила обряд омовения, долго молилась, а после много-много раз простила тётю и всех, всех, всех, и себе просила прощения и благословения, потому что с тобой, с твоей аурой, напоминающей мне сладкую атмосферу моего детства в Чечне, вернулась ко мне жизнь. Тут она вновь заплакала, вновь грязным, измятым платком вытерла глаза.

— И куда ты пошла, мама? — не выдержал я.

— Знаешь, сынок, ...я об этом никому никогда не рассказывала, потому что этот путь, этот кошмар меня всю жизнь во сне преследует. И как тогда, я во сне тяжело, с трудом иду. Сил нет, а иду, потому что страшно, потому что холодно и голодно, и помню, в какой-то момент я не выдержала, побежала обратно в степь наугад, вслед за тётей. А дороги нет. Дорога исчезла. Я вконец заблудилась, но шла, и вновь как-то вышла на эту железную дорогу, и это породило какую-то надежду.

Тётя не просто так отправила меня в путь. На мне была тёплая шуба, шапка и ботинки, которые были явно большими и мешали идти, но, как мне кажется, ночью они меня спасли от холода. Правда, на одном ботинке скоро отвалилась подошва и мелкие гвозди кололи ступню. Так что я осталась босой.

К вечеру, когда уже солнце стало садиться, я услышала нарастающий шум и стук. Тётя сказала, если услы-

шишь шум, значит это поезд, остановись и маши рукой. Тебя спасут. Но я испугалась и, наоборот, побежала в камыши и там присела, закрыв глаза. Шум затих, земля перестала содрогаться, поезд ушёл, исчез, как и тётя, за горизонтом, а я всё сидела в болоте, и босая нога в холодной воде. Поначалу эта ледяная вода обжигала, а потом стало даже приятно — боль в ногах унялась. А когда наступила тишина, я поняла, что встать не могу — конечности онемели. Сил нет, я стала дрожать и вдруг — змея, я бросилась прочь из болота. На четвереньках, я стала взбираться по насыпи к рельсам, как увидела кость... Белая, обглоданная кость бедра курицы. Она ещё тёплая, свежая, с прожилками у хрящей. Вкусная... Я побежала за поездом, на ходу грызя это лакомство. А потом стало быстро темнеть. Я хотела уйти, убежать от этой беспросветной тьмы, от этого ужаса одиночества. Я плакала, я кричала. Я звала на помощь тётю и маму. А свирепый, колючий, холодный ветер с песком вонзался в моё лицо, скрежетал в зубах и не давал раскрыть глаза. Я много раз падала и вставала, и шла, спотыкаясь о рельсы, вновь и вновь падая, но вставала и шла, зная, что за мной ползёт эта голодная, слизкая змея. Когда я в очередной раз упала, хотела встать, что-то острое до пронзительной боли кольнуло в пятку — это был ядовитый зуб змеи, который навсегда отравил моё земное существование... Я видела много-много звёзд. Как ни-

когда много звёзд. И мне было жарко. Я горела и тряслась.

...Пришла в себя я в больнице. Я русский язык не знала, никого не понимала. Но за мной очень хорошо ухаживали, много кормили. Заботились. Однако это длилось недолго — отправили в детдом. Страшное и жуткое место. Позже я поняла, почему в детском доме такая давящая атмосфера. А какой она могла быть, если собраны такие как я сироты, которые уже познали горечь жизни и уже знали: любви, нежности и материнского тепла им уже не видать, и никто тебя не защитит, не согреет, не приласкает, даже не послушает, конфетку не принесёт... Вечно голодные змеи кругом.

Где-то через неделю я, почему-то, подошла к одной девочке, старше меня годика на два-три, и спросила: «Нохчи юй хь?»⁶ Она схватила меня за руку, отвела в какую-то комнату и по-чеченски стала быстро говорить:

— Да, я тоже чеченка. И не одна. Здесь нас не любят. Учи русский язык. По-чеченски не говори. Понятно?.. И сохрани своё родное имя и фамилию. Как тебя зовут?

— Мариа́м.

— А как фамилия?.. Откуда ты родом?

— Не знаю... Я просто чеченка Мариа́м.

В это время раскрылась дверь:

— Что это такое?! Что вы здесь

⁶Ты чеченка? (чеч.)

делаете? Быть не со всеми — у вас в крови. Не стоять в строю — у вас в крови. Не подчиняться и делать всё по-своему — у вас в крови. А ну сюда, Нагаева!

Высокая, крепкая воспитательница схватила девочку за ухо, швырнула к стене, в затылок ударила, потом вновь схватила за ухо, да так умело скрутила, что девочка вся скрючилась от боли.

— А ну пойдём!

Больше я её не видела. Говорили, что её перевели в другой детдом. А через неделю-две перевели и меня. Кстати, гораздо лучше прежнего.

Путь, который предложила мне тётя, многому меня научил, многое на жизненном примере показал. Я поняла, что отныне и навсегда всё в моих слабеньких руках и что мне не на кого более в жизни рассчитывать. Краткий путь показал, что нельзя сидеть, даже в укрытии, не то змеи подползут. Надо двигаться, развиваться, расти. Однако, в моём случае последнее должно быть строго в контуре межрельсового пространства (вот какое выражение, как геометрическую фигуру бесконечного рабства, я выдумала, точнее, впитала в советском режиме).

В моём случае детский дом — просто спасение. Но когда каждый день в шесть утра тебе надо, как ошпаренной, вскакивать под гимн великой страны и почти голой и босиком стоять по стойке смирно на цементном полу холодной казармы и во весь голос петь непонятно что, то ты стано-

вишься, в лучшем случае, послушной игрушкой. Я такой и пыталась быть: очень прилежной и тихой. И моя судьба, как и у абсолютного большинства детдомовцев, могла бы сложиться совсем иначе, да Всевышний дал мне бесценный дар — голос. И я до сих пор убеждена, что этот голос я выработала в ту ночь, когда пыталась перекричать леденящий ветер. Зов к матери в бескрайней пустыне! Пустыне моей жизни! Через месяц я выучила наизусть гимн Советского Союза и каждое утро, когда все дети, спросонья что-то мямлили под нос, я, наверное, одна — пела в полный голос. Поначалу меня почти все дети невзлюбили, постоянно издевались, щипали, били. Но потом поняли, что я за всех отдуваюсь — оставили в покое. Правда, обозвали или назвали — Маша Гимн. Да, так и была записана, пока замуж не вышла.

Это случилось уже в 1957 году, в Алма-Ате. К тому времени, ещё будучи школьницей, я стала победителем республиканских конкурсов, и меня после седьмого класса перевели в детский дом Алма-Аты, потому что пригласили участвовать в хоре ансамбля Азиатского военного округа, где мне уже полагалось денежное довольствие и два комплекта парадной военной формы, что было очень престижно и выгодно. В этом была заслуга директора алмаатинского детдома Нины Викторовны Синициной... Такая была добрая и славная женщина. Именно она подсказала мне и помогла устроиться в создава-

ему в Алма-Ате чечено-ингушскую театральную-концертную труппу.

Там я познакомилась с моим будущим мужем. Он у нас был заведующим по хозяйству. Ветеран войны, ранен. Был уже взрослым, за сорок лет. Когда меня стали сватать, я сразу же дала согласие, потому что с детства нуждалась в опоре, защите и просто поддержке мужской. В это время наш национальный ансамбль уже вернули на Кавказ, а мой муж и все его родственники — почему-то не получили право возвращения на родину. Замужем я была недолго. У мужа был туберкулёз, к тому же он сильно пил. Вновь я получила тяжёлый удар судьбы. Хорошо, что коллеги меня поддержали, приняли в труппу казахской госфилармонии, дали место в общежитии, поставили в очередь на квартиру и, одновременно, я поступила, точнее, меня просто зачислили на заочное отделение института культуры, по классу вокала.

По правде, перспектива открывалась впечатляющая. И так получилось, что мне при оформлении документов подсказали, что если будет справка и характеристика из детского дома, то появятся какие-то льготы по жилью.

Как сейчас помню, рано-рано поутру помчалась я в свой последний детдом, что был на окраине Алма-Аты и об одном молила судьбу, чтобы Нина Викторовна ещё не уволилась по возрасту, а то и на порог не пустят, тем более справку не дадут, а если даже дадут, то только так, как им

хочется и по закону положено, ведь советский детдом — что детская исправительная колония — учреждение закрытого, принудительного типа. Какова же была моя радость, когда я увидела на проходной прежнего сторожа — старика Антоныча. Постарел, но меня узнал.

— Нина Викторовна здесь. Щас позвоню, примет ли?

Обычно Нина Викторовна радовалась, увидев меня, по-матерински обнимала, целовала. Но в тот раз она была очень напряжённой, задумчивой.

— Пойдём со мной, — она повела меня через знакомый коридор в комнату, где раньше была пеленальная.

Нина Викторовна — женщина крупная, сильная. Полевым врачом она прошла всю войну и, наверное, поэтому в её действиях и даже в движениях всё было грубовато, прямолинейно, решительно. А вот в тот раз она показалась мне очень осторожной, даже пугливой.

Она тихо открыла дверь, даже не включила свет. Поманила меня к кроватке, в которой лежал малыш.

— Ой, проснулся! Ой-ой-ой! Проголодался? Описался? А мы сейчас посмотрим, — ласково приговаривая, Нина Викторовна развернула пелёнки. Показалось бело-розовое нежное тельце ребёнка — мальчик. А аромат! А запах от него необъяснимо родной, сладкий, как моя память о моём искромётном детстве на родине... А Нина Викторовна продолжает:

— Чистый, породистый, — она

вдруг по-новому изучающе посмотрела на меня. — Судя по этому, в роддоме рождён... — она показала мне кусочек выцветшей клеёнки с повязанной верёвочкой.

— А что это?

— Такие в роддоме к руке привязывают, — объясняет мне Нина Викторовна, — Написано..., — она стала смотреть, — очки в кабинете... Сама прочитай.

— Тота Болот, — прочитала я.

— У чеченцев есть такие фамилии и имена?

— Не знаю, — честно ответила я.

В это время малыш задёргал ручонками, захныкал.

— Ой-ой-ой! — Нина Викторовна снова ласково склонилась над малышом. — Какой славный! Вот не поверишь, Маша. Я сегодня пришла с больной головой. Ведь на пенсию выхожу, надо все дела сдать, а тут увидела это золото и боль как рукой сняло. Посмотри, какое чудо!

— Вера, — крикнула Нина Викторовна воспитательницу. — Посмотри за ним. Никого сюда не впускать и никому ни слова.

В кабинете она вновь стала строгой.

— Позовите Антоныча, — крикнула она, и тем же тоном мне, — сама знаешь, какие здесь условия жёсткие. Жалко малыша, что с ним будет?! Не знаю почему, но увидев его, я вспомнила тебя. И ты пришла...

В это время зашёл сторож.

— Антоныч, расскажи ещё раз, как было.

— Ну, как... Как обычно, я сигарку курил. Ещё заря не принялась. Издалека подходит девушка. Высокая, вроде молодая.

— Русская? — перебила его Нина Викторовна.

— Кажись, русская... Говорила бойко. Но лица-то не видать, темно... Говорит, батя, поддержи ребёнка, подсоби. Я по глупости взял, а она мне: «Определи сюда. Он чеченец. Там всё написано» и убёгла. Я и так и этак... Вот оказия.

— Иди, Антоныч! — приказала Нина Викторовна.

После этого она долго смотрела на меня и вдруг выдала:

— Нравится малыш? Возьмёшь на усыновление?

Я ахнула, ноги подкосились, чуть не упала...

После этого я жила, точнее, уже мы с тобой, Тота, жили у Нины Викторовны. Главная проблема была — оформление документов, какое имя и фамилию дать тебе. Нина Викторовна подсказала мне посоветоваться с местными чеченцами-старейшинами. Был такой — Абуезид, старик преклонных лет. Нина Викторовна ему всё рассказала и даже этот кусочек клеёнки из роддома показала. Старик, недолго думая, предположил:

— Месяцев семь-восемь назад, здесь, во время задержания, был застрелен Ала Болотаев... Парень был хороший, но с этой властью не дружил. Постоянно — то сядет в тюрьму, то выйдет... На окраине, в посёлке, живёт его старший брат.

Мы поехали к этому брату. Нина Викторовна начала разговор, да, видеть, этот Болотаев был уже в курсе:

— Ничего не знаю, ничего слышать не хочу, — резко оборвал он — Мало ли где и с кем мой непутёвый брат был, и был ли вообще? Больше сюда не приходите. Нас нет!

— Что делать? — спросила я у Нины Викторовны.

— Теперь только мы должны позаботиться о ребёнке. Так распорядилась судьба.

— А как назовём?

— Вот тут самостоятельность недопустима. Будем исходить из того, что есть. А есть Болотаев Тота Алаевич...

Вот так судьба связала нас с тобой, и чтобы этот узел не развязался, я тоже стала Болотаевой. А после этого, хотя здесь, на Кавказе, я никого и ничего не знала, а в Алма-Ате вроде всё уже налаживалось, меня просто потянуло в родные края. И я хотела, чтобы ты жил под родным небом, дышал воздухом наших гор, пил воду наших родников и рос на своей земле, среди таких же, как ты, чеченцев...

Тут она посмотрела на меня, виновато улыбнулась:

— Не признаёт нас?!

Я не понял, то ли это был вопрос, то ли констатация факта. Мама заплакала. Я бросился к ней. Далеко за полночь мы легли спать. Я не мог заснуть. Столько нового, многое не понять.

Обычно с рассветом вставала мать, будила меня. На следующее утро я сам встал и впервые увидел,

как моя мать лежит. Тогда я осознал, что к своему подростковому возрасту я никогда не видел, как моя мать лежит на диване, даже когда болела, или она вовсе не болела... Но в то утро, как подбитая птица, свернувшись калачиком, она лежала лицом к спинке просиженного дивана. По её частым вздохам и всхлипам я понял, что она ещё плачет. И тогда я положил руку на её плечо и сказал:

— Мама! Не плачь... Я отомщу этому Хизиру.

— Какому Хизиру? — вскочила она. — Жди меня за дверью, пока я переоденусь.

После этого три дня подряд она меня за руку отводила в школу и приводила. А на четвёртый день мы переехали в маленькую комнатёнку коммунальной квартиры возле школы.

Этого Хизира я выбрал потому, что он был самый драчливый, крепкий и первым толкнул мою мать в тот памятный день. И так получилось, когда я был в шестом классе, этот Хизир перешёл в нашу школу, на класс старше. Из-за неуспеваемости его перевели на класс ниже, в параллельный с нашим.

Он меня узнал. Надменно и презрительно смотрел издали, но не подходил. Зато я готовился. Однако меня опередили. Хизир подрался с одним чеченцем-старшеклассником и, когда последний стал одолевать, Хизир достал нож. К счастью, применить не успел. Я об этом инциденте даже не знал, гонял футбол. А в это время

срочно созвали родительское собрание, после чего мама побежала домой, посмотреть в мой портфель, и нашла там нож.

— Я этот нож уже неделю ищу, — плакала она. — Разве так я тебя воспитала?! Ты с этих мерзавцев пример берёшь?! Не нож! Не нож, или кинжал наше оружие, а ручка, карандаш! Знания!

Больше я этого Хизира в жизни не видел. Однако, вопреки моему желанию, — это, наверное, и есть так называемое подсознание — я постоянно, ибо город наш сравнительно небольшой, был в курсе жизни Хизира — до того не мог я ему все мои обиды простить. Хизир оказался, как говорится, героем своего времени. У них большая предприимчивая семья. В годы перестройки они открыли массу кооперативов, обогатились, окрепли. Однако в начале девяностых, когда в России начался хаос и кризис, а Чечня стремилась к независимости, «патриот» Хизир перебрался в Европу и я о нём, как о прошедшей хронической язве, совершенно забыл. Прошли годы. Масса событий. Война! И вот в 1998 году ансамбль «Маршал», которым я руководил, получил приглашение — гастрольный тур по городам Европы, где в большом количестве проживали беженцы из Чечни. Прекрасный приём и концерт в историческом Дворце Департамента мэрии Парижа. Много земляков. Аншлаг! И вот какой-то сутулый, прокуренный чеченец всё время лезет ко мне.

— Ты что, не узнаёшь меня? Хизир. Я Хизир.

Какой Хизир, да и скольких я Хизиров знал?

— Мы в одной школе, в сорок первой школе учились.

...Словно током ударило. Всё вспомнил. И до того стало противно, даже впечатление от турне испортилось. И конечно, правильно было бы просто не обращать на него внимания. Надо было посмотреть на него также презрительно, как он когда-то смотрел на меня. Однако, любопытство возобладало, и я согласился попить с ним чай на следующее утро в небольшом кафе. Заведение мрачное, оформлено по-восточному. С утра пусто, витает неприятный запах, оказывается, от ароматизированного кальяна.

— Мы как увидели этот бардак, что происходил в России, — говорит Хизир, — сразу же уехали в Турцию, потом Иерусалим, Сирия, Иордания. Но у этих арабов и турков жизни нет. Мы перебрались в Европу.

— В Париж? — интересуюсь я. — Потому что самый красивый город?

— Да на хрен мне их красота! Я никогда в Лувр не пойду и не понимаю тех чеченцев, кто туда ходит. Вот наши башни! Кстати, эти русские твари наши башни не разбомбили?

— А ты поезжай, посмотри.

— Мне нельзя в Россию. Я политический беженец.

— Тебя кто преследовал?

— Хе-хе, кто меня может преследовать?! Ты ведь знаешь сколько нас.

— Знаю. А дома в Грозном продали?

— Какой продали?! Ты ведь помнишь, где мы жили. Так русские оттуда бежали, а мы почти весь квартал за копейки выкупили. И мало того, парк рядом был, помнишь?

— Помню.

— Мы его тоже выкупили.

— Как? А зачем?

— Как зачем? Рано или поздно бардак в Чечне закончится. Вы там с русскими навоюетесь, перебеситесь, тогда мы приедем... А что ты не ешь?

Я не мог есть, не мог говорить. Было мерзко и противно. А Хизир закурил очередную сигарету, развалился в кресле.

— Эй! Чай! Быстрее!.. Видишь, как мы здесь живём!

— А официант — вроде араб, а ты с ним по-русски, — поинтересовался я.

— Русский нужен. Из России много туристов.

— Понятно, — сказал я. — Я пойду. Сколько за завтрак?

— Да ты что?! Куда ты торопишься? Давай поговорим... А плата... Ты о чём? Это наполовину моё заведение.

— А почему арабское? — удивился я.

— Дочь вышла замуж за араба.

— Чеченцев здесь не было? Или не взяли?

— Главное — мусульманин! И умеют они торговать.

Я встал, бросил на стол сто евро и, не говоря ни слова, ушёл, а он всё

ещё кричал мне вслед:

— Эй, ты что? Хотя бы сдачу возьми... Гур ду вай!⁷

— Гур дац!

Потому что он в Париже, я в Сибирь, надолго или навсегда, а в Чечне вновь война. Там моя семья, моя мать. И я жалею, что не рассказал матери об этой встрече в Париже. А, может, правильно сделал. Не знаю. Потому и запись веду...

Вместо предисловия.

Кратко

А лишних слов и не надо, ибо в «Записках» и так всё подробно описано. Правда, записи не системны, без дат и указаний имён. Много зашифровано и записано сокращёнными знаками — для себя или дальнейшей обработки. Видно, что рукопись была разбросана, и страницы, как и чернила, выцвели. Некоторые листы промокли. Где-то ничего не разобрать, чем-то залиты. Может быть, и кровью. Листки разные. По черк разный. К тому же, есть чьи-то приписки — женской рукой. Кое-что я сам доискивал, дорисовывал, сочинял. Как получилось — вам судить. А смысл этого предисловия — объяснить методику изложения. Где-то, как в рукописи, как в оригинале «Записок» — от первого лица. В основном, текст от третьего лица. Понимаю, что такая подача текста очень непроста, но получилось так, как получилось...

⁷Гур ду вай (чеч.) — увидимся.

Гур дац (чеч.) — не увидимся.

Как-то один знакомый старец сказал Болотаеву Тоте:

— Нас в Сибирь насильно возили, а ты вот сам подался туда.

— Времена не те, — с задором отвечал молодой человек.

— Времена, может, и не те, — качал головой старик. — Но люди — те же.

— Нет-нет! — возразил Тота. — Ныне Сибирь — Клондайк: золото, нефть, газ, лес. Словом, деньги!

— Так я тоже там золото на Колыме добывал.

— То для Сталина, для СССР, — перебил Тота, — а теперь новое время, новая Россия.

— Новая? — удивился старик, и чуть погодя. — Всё же будь осторожнее, молодой человек, суть времени и сущность людей не меняются.

— Наоборот, дед. Всё течёт, всё меняется.

После этого разговора прошло много времени. Очень многое изменилось. Старца, наверное, давно уже нет, а его заключение заключением подтвердилось — ибо Тоту Болотаева по этапу повезли в Сибирь. Болотаев знал, что Сибирь — это почти что Вселенная, однако, в вагоне-зак — это бесконечность. Наверное, даже первые каторжане, коих вели в Сибирь пешком, столько не страдали. Сутками, позабытый всеми, даже Богом, вагон простаивал в каких-то пустынных железнодорожных тупиках. И тогда конвоиры напивались до посинения. Потом — либо приставали к заключённым, либо просто вырубали,

и тогда ни еды, ни тепла, а это — конец зимы — начало весны: самые лютые морозы. Вначале вагон был забит до предела, и казалось, что он движется хаотично — то на юг в Пятигорск, то на север — Ухта, а потом восток, восток, северо-восток. Поволжье, Урал, самый центр Сибири — Красноярск, после чего дорога пошла вдоль огромной реки на север, и в этом огромном вагоне Болотаев — единственный заключённый, и за ним наблюдают шестеро охранников. У всего на свете, к счастью, есть конец, и этот очень долгий, мучительный этап, то есть пересылка, — закончился. Он попал в самую северную тюрьму, в небольшом городишке Енисейск, на берегу одноимённой, огромной реки. Этот город как пограничный казачий острог был заложен в начале семнадцатого века. Острог — это не только крепость, это и тюрьма, и здесь одни из первых каторжан — пленные шведы. Здесь же отбывали срок и декабристы, в честь них и адрес учреждения — улица Декабристов. Эта тюрьма строгого режима, для особо опасных преступников-рецидивистов, где осуждённые содержатся не в отрядных, а в камерных условиях. По прибытии на место, первым делом — так называемый карантин: это леденящая душевая, как в советском медвытрезвителе, после чего все действительно трезвеют, точнее, твердеют от холода. По этапу говорили, что в этой тюрьме — самый строгий режим, и даже по коридору водят, как и тех, кто посажен пожизненно, то есть согнувшись,

с наручниками за спиной, руками вверх. Нет. Его и даже без наручников повели по коридорам, бесконечным, сырым. Доставили до смотровой камеры. С трёх сторон решётки. У стены скамейка. Следует команда:

— Стоять смирно! По центру!

— Есть стоять смирно, по центру, — как можно бодрее отвечает Болотаев.

Однако стоять так пришлось очень долго и уже, как старая кляча устав, он попытался было облегчить стойку, как грубый мат и вновь команда:

— Я как сказал стоять?!

— Стоять смирно, по центру.

— Вот так и стой.

— Есть так стоять, гражданин начальник.

У Тоты уже стали затекать ноги, и он думал, что вот-вот упадёт как послышалось некое движение, сами охранники выпрямились. Издали послышался по-господски чеканный шаг, команда «смирно!». Крепкий, плотный, краснощёкий майор, широко расставив ноги, встал перед заключённым; с ног до головы, словно на базаре, оценил, осмотрел Болотаева.

— Чечен? — грубо процедил майор.

— Так точно, чеченец, гражданин начальник, — статья 159, пункт 3–4 — «особо крупное мошенничество приотягающих обстоятельствах».

— Это сколько ж ты наворовал, используя служебное положение? ... Срок? — гаркнул офицер.

— Двенадцать с половиной лет, гражданин начальник.

— Мало. Я бы навсегда упёк, — на-

чальник, уходя, ещё раз искоса глянув на Болотаева, заключил. — Так мы и сделаем.

После такого прогноза жить нелегко, а в маленькой камере-каморке, как в гробу. Холод. Сырость. Почки заныли, мозги оледенели. За века скопившаяся, смрадная вонь параша, которую даже свежий слой хлорки не убивает, глаза щиплет. Дышать тяжело. Особенно поначалу. Полумрак — лишь тусклый свет над дверью. Всего пять метров по периметру. Маленькая металлическая полка, вместо лежака, которая специально не поднимается, чтобы не было места даже сделать шаг. Тоска. От безысходности заключённый ложится на эту ещё более леденящую полку. Скручивается калачиком, пытаюсь хоть как-то согреться. Тишина. Поистине гробовая тишина и даже слышно, как внутри тебя всё урчит — это бактерии и микробы тоже проголодались, им тоже холодно и противен им ты, и они начали оттуда тебя поедать, у них жизнь кипит, газы выходят, ты начинаешь гнить, разлагаться во всех отношениях. Это почти что могила, даже ещё хуже, ибо ты ещё на что-то надеешься, ещё веришь в людей. Точнее, не в людей, а в эту дверь, в эту старую, проржавевшую, но ещё мощную, холодную дверь: что она вот-вот откроется, дунет свежий воздух, и появится надежда на жизнь. И она появилась. Вечером так называемый ужин принесли. Не дверь, а окошко со скрипом раскрылось. Как положено, Болотаев резко вскочил, встал по стойке смир-

но, крикнул:

— Благодарю, гражданин начальник.

Надзиратель тоже, как положено, глянул в камеру. Из-за полумрака Тота не очень чётко видит черты лица, однако, что-то новое интуитивно по взгляду надзирателя уловил.

— У тебя сегодня пир, — почему-то недовольно выдал надзиратель, — праздничный ужин земляк прислал.

Ужин действительно праздничный и по аромату, и по весу, и по разнообразию — кусок вяленого курдюка, три зубчика чеснока и настоящий чай с печеньем и конфеткой. За последнее время, как Болотаева задержали, это был действительно праздник и пир. И дело не столько в еде, хотя он за это время очень исхудал и постоянно испытывал голод, а более в том, что кто-то так неожиданно проявил о нём заботу, которая на этом не закончилась. На ночь через то же окошко ему просунули какое-то колючее и вонючее одеяло, которое могло просто сохранять жалкое тепло от его тощего тела, но ему казалось, что это одеяло его согревает. С первого дня ареста он постоянно удивлялся: почему его родственники, друзья, коллеги, а, впрочем, и всё человечество не встанёт на его защиту, на борьбу с этим беззаконием и подлогом, ведь он не виноват. Однако никто о нём не заботился — по крайней мере он так думал, и так оно и было... И вот, когда, казалось, он на самое дно изошрённой российской тюремной системы упал,

ему какой-то «земляк» подал руку помощи в этой глуши; накормил, отогрел, взбодрил. В этом царстве холода и тьмы появился человек, появилась душа, появилось добро. Не просто спасителем, а чуть ли не Богом представлялся этот «земляк» в воображении Болотаева, и, когда его в первый раз вывели на воздух, в небольшой обрешёченный вольер, он сразу же определил, кто здесь хозяин, то есть его земляк. Вопреки ожиданиям Болотаева, «земляком» оказался не чеченец, а грузин, и не какой-то там молодец-богатырь, а очень худой, сторбленный зэк. Двое блатных подвели Болотаева к «земляку».

— Здорово, батона, — приглушённо-прокуренный бас. — Георгий. Не святой, но Георгий. А тебя как? — он протянул руку.

— Тота. Болотаев Тота.

— Странное имя, — зэк очень внимательно осмотрел новичка. — И дело твоё странное. С такой историей так далеко не завозят. Либо ты так много спёр, либо, — он сплюнул, — даже не знаю. Сюда фраеров не доставляют.

— Может, он за террор? — подсказал рядом стоящий блатной.

— Бабки, бабки, — другой зэк.

— Какой террор? В бабках дело.

— А ну пошли отсюда, — тихо процедил Георгий, — А может, как чечена? Всё-таки война, — и чуть погодя. — А капиталец должен у тебя быть, должен. Колись, земляк. А то, я вот-вот откидываюсь, а бабки там нужны. И тебе, Тота, помогу.

— Клянусь, это не так, — почти

дрожит голос Тоты.

— Да, — после некоторой паузы постановил старый зэк, — либо ты прирождённый артист, либо это правда. Если второе, то очень печально. Для тебя печально... Ну, и для меня тоже. Думал, что хоть под конец одного «пузатого» прислали. Судьба жалилась... Нет, и тут не везёт, — он смачно сплюнул.

— А я по первому образованию артист, — вдруг выдал Тота. — Я закончил Тбилисский институт культуры, батоно Георгий, — тут Тота поздоровался по-грузински и ещё сказал несколько слов.

— Вот это да! — удивился зэк. — Так ты знаешь грузинский?

— Немного знал, многое позабыл. Столько лет прошло.

— Так ты артистом не стал?

— Нет, — голос Тоты оживился.

— Почему?

— Понял, что никогда не стану, как Махмуд Эсамбаев, и тем более, как Муслим Магомаев.

— Твои кумиры? — ухмылка в тоне Георгия.

— А разве есть такие, кто их не любит, не ценит? — возмутился Тота.

— Здесь есть. Почти все... Хе-хе, так что и ты не болтай, что артист.

Болотаев ничего не сказал, но по гримасе видно, как он недоволен. А Георгий в том же небрежно-надменном тоне продолжает расспрос:

— А какое у тебя второе образование?

— Финансовая академия.

— Вот это да! — удивился Георгий. — Артист-финансист — какая адская смесь, — он вновь стал оценивающе рассматривать Болотаева, а последний вдруг, взмолился:

— Можно письмо на волю?

— Помогут? — искоса глянул Георгий, ухмыльнулся.

— Помогут, — прошептал неуверенно Болотаев.

— А что до самого севера и Сибири не помогали? Хе-хе, откуда просто так никто не выбирался, даже декабристы после смерти Николая I, будучи графами и князьями, не смогли.

— Я не декабрист; не бунтарь и не вор и не мошенник.

— Это очень плохо. Для того, кто сюда попал — плохо.

— Я не виноват!

— Все мы так говорим, попав сюда, — Георгий вновь смачно сплюнул. — Отчасти правда в этом есть. Потому что на воле гуляют гораздо худшие представители хомо сапиенса. Однако жребий пал на нас. Не повезло... А, впрочем, что бы мы не болтали, древняя поговорка верна — человек там, куда сам себя поставил... Понял, земляк?

— Ага, — кивнул Тота, — но я ничего не своровал.

— Ничего ты не понял, — стал очень сух голос зэка. — Ты сидишь за крупное мошенничество. Огромные деньги у государства исчезли.

— Не я... — тих голос Тоты.

— Если не ты, то кто-то ведь прихлопнул, а на тебя повесили... Вроде так получается?

— Конечно, так. Это несправедливо! Я буду писать...

— Ха-ха! — усмехнулся Георгий. — Вот эти кляузы, тем более от чеченца, а идёт с вами война... Вот они и загнали тебя сюда, в самое страшное болото.

— Я буду бороться. Я это так не оставлю, — тихо говорил Тота.

— Через двенадцать лет выйдешь и отомстишь?

— Нет! Я здесь не выдержу. Что делать? — ещё глуше и жалобнее голос Тоты.

— Как-то бороться, — подсказывает старый зэк. Ведь есть родные, близкие.

— В том то и дело, что родных почти не осталось. Вначале раскулачили. Потом эта депортация, точнее геноцид, когда всех чеченцев выселили в пустыню Казахстана — почти все померли. И вот вновь одна война, вторая, столько жертв.

— О-о! Беда! — сменился тон Георгия. Он долго о чём-то думал, а потом спросил. — А ты, наверняка, эту свою обиду где-то прилюдно ляпнул.

— Не «ляпнул», а сказал.

— Во-во. Теперь всё понятно.

— Я правду сказал.

— Здесь это минус, а не плюс.

— Это несправедливо!.. Я буду, — тут Тота надолго задумался, замолчал и после выдал, как очень большой секрет. — У меня есть знакомые.

— Да? — старый зэк оживился. — А они богатые?

По лицу Болотаева было заметно, что этот вопрос оскорбил его, а Георгий

сухо продолжил:

— В России, а тем более здесь, только деньги — сила и власть.

— Что делать?

— Что делать? — усмехнулся зэк. — Терпеть.

— Двенадцать с половиной лет!? Терпеть это? Почему я не уехал из этой страны?

— Скулить не надо. Это не поможет, а наоборот.

— Что делать?

— Что делать? Хе-хе! Как Мюнхгаузен, за волосы, ты сам себя из этого болота никогда не вытащишь, а ещё хуже будет, если кляузы будешь сочинять. Жалобщиков нигде не любят. Это тебе не Европа, где есть человек и права человека.

— Боже! Как вы мне помогли, — вдруг блеснули глаза Тоты. — В Европу как бы весточку доставить? Одной знакомой.

— Бабе? — усмехнулся зэк.

— Она ценит меня.

— Хе-хе, ценила бы, уже была бы здесь, как жены декабристов.

— Так она не знает.

— А узнает — примчится? И что она сделает?.. Хоть богатая?

— Нет. Но она...

— Любит тебя?.. С кем-нибудь она сейчас, а любит тебя.

Тота ничего не сказал. Нервно задёргался. В это время, как и века назад, зазвонил колокол. Прогулка закончилась, и старый зэк подвёл итог:

— Смотри, земляк. Декабристы были графы, князья, и их охраняли такие же графы и князья. Всех истре-

били. Ныне — что сидят, что охраняют — одно отребье, и по-честному, те, кто сидит по понятиям — даже выше. И запомни — это самый центр Сибири, тупиковая глушь. Здесь всё сурово. Почти девять месяцев зима — холод и вьюга по камерам гуляет, а чуть-чуть лето — хуже зимы, когда в тех же камерах комары, слепни и мошкара, тогда о зиме мечтаешь.

— А вы сколько лет здесь? — выдал Тота.

— Всю жизнь, — печально улыбнулся Георгий. — Тебе это не надо.

— Не надо, — вторит Болотаев. — Что делать?

— У прокуроров, судей и прочих господ помощи не ищи — ещё хуже сделают.

— Это я уже понял.

— Тогда терпи, земляк. Пока я здесь, поддержу. Но ты более нюни не распускай. Держись, чечен. Не ты первый, и не впервой вы в Сибирь попадаете.

Этот разговор, особенно последние слова старого ээка, задели за какие-то чувства... Буквально по-новому он стал смотреть на этот мир, в котором отныне осталось только два цвета — чёрный и белый, и этот белый цвет, как белый свет, надо выискивать, о нём мечтать, к нему ползти.

...С самого начала, когда его внезапно арестовали, Тота думал, что это просто какое-то недоразумение, и его вот-вот освободят. Однако всё завертелось в таком головокружительном вихре, что он даже не мог толком поверить, что это не сон, а явь. Да, он

в тюрьме. И если у других сокамерников следствие длилось месяцами, а то и годами, то его буквально за считанные дни осудили и погнали по этапу. Он думал, что, попав на зону, на конечный пункт заключения, он начнёт как-то действовать, и это будет как бы его обратный путь к свободе, который он совершит даже пешком. Хотя бы пешком. Но оказалось, что в его камере временного карантина-изолятора даже шаг, всего один шаг сделать невозможно — самая изощрённая степень издевательства и пытки. Кто-то ведь это всё просчитал и выдумал, чтобы как можно строже было наказание, и чтобы заключённый осознал, что он не человек, и позабыл бы о человечности. Наверное, так бы с Болотаевым и произошло, если бы не встреча со стариком Георгием, который намекнул: мы земляки-кавказцы. До сих пор я здесь вышку держал, а теперь — твоя очередь. Не подведи.

Конечно, для Тоты это сильная встряска и повод для внутренней мобилизации, когда нельзя скулить, а надо зубы до боли и скрежета сжать и постараться всё и вся терпеть. Однако, Тота ведь не из этой среды и даже от вида наколок — ему уже не по себе. И поэтому он очень рад, что здесь такой влиятельный земляк оказался, а с другой стороны, принимать эстафету он не сможет и не хочет... Вот такое противоречие, и так в жизни бывает почти что всегда в более-менее экстремальных ситуациях — это борьба, в этом развитие

и от выбора личности многое зависит. И Болотаев, хотя ему этот вопрос напрямую и не задавали, — должен был как-то ответить на запрос Георгия, и он однозначно решил, что он не зэк, всё это недоразумение. А Георгию он очень и очень благодарен и будет случай — отблагодарит, и этот случай представился.

* * *

Что такое праздник и для чего устраиваются праздники? Праздник — это кульминация события, которое своим торжеством должно затмить в сознании людей или человека все будни и обыденность существования, стереть этот серый фон и гадость, а в памяти останется радость праздника... В общей сложности, более сорока лет в заключении. Это срок «Святого Георгия» — как не отметить такое событие? Целый месяц готовились к торжеству; репетировали номера, чуть ослабили режим и даже старый актовый зал привели немного в порядок. Болотаев был ещё в карантине, но и его, видимо, по просьбе Георгия, допустили в зал, а для этого привели в порядок: баня, новая роба, чтобы не более других вонял и атмосферу праздника не портил.

Концерт уже начался, когда Болотаев попал в зал. Беззубый зэк, потрясающий шулер, — показывал фокусы с картами. Невероятным для Болотаева показался фрагмент, когда карты как-то очутились в кармане старого Георгия, сидящего в первом

ряду. А ещё большее его удивление и восторг вызвало то, что сам Георгий вдруг встал и в ответ изобразил почти то же самое, от чего в зале начался хохот. После этого был музыкальный номер. На сцене — старое фортепиано, к которому подошёл такой же старый заключённый. По тому, как последний сел у инструмента, Тота понял, что это музыкант — пианист, и первые уверенные аккорды это подтвердили — в зале гул, но Тота уловил, что инструмент расстроен и в пальцах гибкости нет — всё косяком, но для тюрьмы в Сибири — класс!

Под аккомпанемент двое зэков исполнили пару блатных песен, потом было подражание Высоцкому и как подарок Георгию — его любимая вещь — «Тбилисо», вроде бы на грузинском языке. И тогда сам Георгий не выдержал, поднялся на сцену и стал с ними петь. Весь зал, даже начальство, что сидело в углу, встали, стали аплодировать.

Тут же из зала стали просить, чтобы Георгий станцевал:

— Лезгинка! Лезгинка! Лезгинку давай!

Появилась старенькая, облезлая гармонь с западающими кнопками; такой же побитый и дырявый пионерский барабан, под бой которого можно было только в строю маршировать. Оба эти инструмента были в руках таких же потрёпанных, несчастных заключённых, которые изо всех своих возможностей пытались выдать кавказский мотив.

— Лезгинку давай! Давай, Георгий! — кричал зал.

Георгий встал, как-то неожиданно выправил статью, внешне преобразился, даже помолодел. По первым движениям Тота понял, что земляк, конечно, не профессионально, но по-своему, с каким-то жгучим азартом когда-то танцевал. И теперь желание есть, и память движения сохранила, однако в тощих ногах силы нет, и красивые, дерзкие, быстрые па ему уже неподвластны. А тут, вдруг, изношенные инструменты и такие же исполнители пару раз сбой в мелодии и ритмике дали, а следом другая напасть — такой едкий кашель, что улетучилась его едва появившаяся статья. Георгий вернулся в прежнее своё состояние и теперь, будучи на сцене в таком виде, он стал почему-то жалким и немощным, что даже в зале наступила непонятная, гнетущая тишина. Этот момент стал кульминацией не только данного представления, но как бы подводил итог всей жизнедеятельности Святого Георгия. Словно жизнь насмарку... В мгновение все это определили. В первую очередь это понял сам Георгий, и он уже не кашлял, но всё равно прикрывал бескровно-блеклой, костлявой рукой не только рот, но и всё лицо, пытаясь закрыться от всех, потому что немощных здесь не признают. А гнетущая пауза затянулась. Зэки зашевелились, зашептались, стали переглядываться, и как вердикт, кто-то процедил:

— Святой сошёл... Со сцены сошёл.

От этих слов Георгий словно очнулся. Стать он не поменял, остался таким же сторбленным, но исподлобный взгляд зверем блеснул. Вновь в зале тишина. Святой Георгий на сцене, сценарий в его руках, как он сыграет последнюю роль? Как и прежде, он это сделал блестяще:

— Эй, земляк! Тота, ты здесь? — Георгий наконец-то увидел Болотаева. — Мои кости скрипят, поржавели. А ты учился в Тбилиси, покажи культуру нашего Кавказа.

Все взгляды в сторону новичка. Болотаев, словно провинившийся ученик, машинально встал, виновато опустил голову, не зная, что ему делать, как быть и, вообще, что от него хотят. Возникла какая-то пауза, напряжённая пауза и тишина. Это миг перед рывком. Здесь слабых не любят и презирают. Здесь — как в дикой тайге: раз на своих ногах твёрдо не стоишь, то и не надо. Многие мечтают вожакими стать. А Святой Георгий в самый последний и важный момент на сцену вышел, но свою роль не смог доиграть, и в какой-то миг он почти что превратился из пахана и кумира в слабака и артиста, к тому же — плохого артиста. Все это поняли. Прежде всего, это понял сам Георгий. Но ведь не просто так он столько лет вожак был. И на сей раз опыт и интуиция его не подвели. Он, как положено его статусу, не артист, он режиссёр, и поэтому Георгий вновь постарался выправить статью, стал хлопать, призывая к этому весь зал, и вновь крикнул:

— Земляк, ну что ж ты?! Чему тебя

в Грузии учили? Станцуй лезгинку, расскажи про лезгинку, покажи им Кавказ!

И без этого призыва Тота уже рвался вперёд, ведь он — прирождённый артист. Но эти слова Георгия вовсе разожгли его страсть, он просто рванулся к сцене, до которой было всего шагов десять-двенадцать — просто миг, за который он почему-то вспомнил былое.

...В 1977 году Тота окончил школу и решил поступить в вуз. Особого выбора в Грозном не было, случайно увидел объявление: «идёт набор абитуриентов из числа чеченцев и ингушей в институт культуры города Тбилиси». Тота скрыл от матери, что поступает в институт культуры — быть артистом не приветствовалось — сказал, что едет поступать на экономический факультет Тбилисского университета. Он подал заявление на музыкальное отделение, потому что хотел стать профессиональным ударником — у Тоты от природы был великолепный ритмический слух и реакция. На приёмном экзамене он поразил всех своими природными данными ударника, но нужны знания, музыкальные знания и элементарная нотная грамотность, о чём Болотаев и понятия не имел.

— К сожалению, вы свободны, молодой человек.

— А можно я лезгинку станцую? — попросил юноша.

Экзаменаторы переглянулись. Самиый пожилой грузин кивнул.

— Прямо здесь? — удивилась одна

женщина.

— А что, — ответил пожилой преподаватель, — настоящий джигит и на столе станцует.

— А вам нужна в сопровождение музыка? — поинтересовались у абитуриента.

— В моём танце и будет музыка, — почувяв шанс, заносчиво ответил чеченец.

— Ну, давай!

И он дал, и так дал, точнее такое чудо танца выдал, что от его азарта все преподаватели, даже женщины, аплодируя, встали, а Тота в диком экстазе танца ещё умудрился грубые ботинки скинуть, а потом даже на стол вскочить и на цыпочках, как опытный балерон, выдал грациозное па.

— На хореографию! Вот это танец! Вот это танцор! — был единодушный вердикт.

...С тех пор прошло много времени, и много, много раз Болотаев выступал и танцевал и на сцене, и без сцены, и где ему хотелось и могло, но с тех пор он ни разу не танцевал в ожидании вердикта. И вот это случилось, ведь — как сказал Георгий — здесь, в тюрьме, артистов не любят, но человек не может не любить искусство, ведь оно прекрасно, и это артист обязан показать, если он артист настоящий. А Тота считал себя артистом и даже, увидев эту жалкую тюремную сцену, он сразу же загорелся, точнее, внутренне закипел: он очень-очень захотел выступать, играть, хотел уйти в иную реальность

и с собою увести всех! Вот это искусство... И когда он пошёл меж тесных рядов, в один миг его сознание переключилось. Ведь все люди — артисты, все пытаются играть и играют. Однако настоящий артист — это, прежде всего, магия перевоплощения, когда артист в данный момент погружается в образ, представляя, что только это правда и жизнь, и это искусство, а остальное — мишура. Вот так эти десять-двенадцать шагов Тота шёл по этому маленькому залу, воочию представляя, что его пригласили на сцену Большого или Метрополитен опера, о чём он всю жизнь тайно грезил, и вот это чудо свершилось. Грациозно, выпрямив не только плечи, ноги, но и в вечность устремив взгляд, Тота с торжественностью взшёл на низенькую сцену. Прежде всего, поклонился публике. Потом, по-кошачьи плавно, подошёл к Георгию и так по-сыновьи обнял, будто это его сценический учитель, и они расстаются навсегда. Далее Болотаев также артистично проводил Георгия со сцены, после чего подошёл к аккомпаниатору:

— Меня зовут Тота Болотаев, — он подал руку. — А вас как, простите?

— Альберт.

— А по отчеству?

— Здесь, отчество? — улыбнулся пожилой музыкант.

— И тем не менее.

— Фёдорович.

— Очень приятно. Альберт Фёдорович, инструмент весьма разболтан, но ваше мастерство и талант...

— А может вы...

— Нет-нет, я не музыкант, я хореограф... был. Но сейчас, давайте ещё раз «Тбилисо», только на припевы чуть выше аккорды.

Они ещё немного поговорили о координатии. После чего Тота вышел к публике:

— Дамы и господа, — да, дамы были: по одной из бухгалтерии и из канцелярии, но Болотаев представлял, что эта публика если не из Карнеги-холла, то из Большого, ну хотя бы Большого концертного зала Тбилиси.

«Тбилисо» — была визитной карточкой Болотаева. И хотя у него не было выдающихся вокальных способностей, но эту композицию, которую он обожал, он так проникновенно-искренне исполнял, что частенько, особенно в преддверии праздников, лучшие тбилисские рестораны приглашали его и его студентов-друзей для организации небольшого концерта... Однако, это было по молодости, в свободном полёте и вдохновении; когда всё по плечу, всё получается и всё, как говорится, по кайфу. И тогда он выступал не для зрителей, а более для самого себя — как артист он грезил сценой, и теперь, даже эта сцена, сцена в тюрьме, была тоже сценой, а он актёр, и он хотел, он просто очень захотел, чтобы его признали актёром, а не каким-то заключённым мошенником. И по реакции — все просто остолбенели, даже не хлопали — Болотаев понял, что «Тбилисо» — творение! Ведь никто,

почти никто слов не понимает, но понимает: Тбилиси — это не Сибирь, это юг, солнце, тепло, Кавказ и там вас ждут гостеприимные люди и целебное вино. После магии «Тбилисо» Тота вернул всех в реальность — были исполнены блатные и популярные вещи Вилли Токарева и Высоцкого. Вот где зал оживился, зашумел как предштормовое море, но эта стихия, эта волна всклоченных чувств уже была под властью сцены, на какое-то короткое время здесь восторжествовала высшая магия — это искусство! Если бы в этот момент со сцены раздался любой призыв, — любой — последовало бы действие, буря вскипала, но со сцены раздался иной мотив:

— Танец гор! Лезгинка! — и это не значит, что Тота сам начал танцевать. Нет. Он палочками стал набивать дробь всё в нарастающем и нарастающем ритме, при этом не столько используя барабан, но и табурет, и остов гитары, и даже откуда-то появившееся перевёрнутое ведро — словом, получился некий ударный аппарат, на котором Тота стал выбивать такой яростный, переливчатый, как горная река, ритм джигитовки, что всякий, кто этот необузданный, мятежный ритм знал, им жил и о нём мечтал, не мог не танцевать. И поэтому Святой Георгий вскочил, прямо на своём месте стал гарцевать. В это мгновение старый зэк неимоверно изменился — вновь выправил статью, заулыбался и даже как-то посветлел. Весь зал аплодировал теперь ему. Георгий недолго, но грациозно исполнил свою

последнюю джигитовку в тюрьме. Подустав, он победно-повелевающим жестом передал эстафету танца на сцену. Болотаев, который только это-то и ждал, вновь крикнул:

— Танец гор Кавказа! Маршал!

...И этот экзамен Тота достойно сдал, ибо весь зал вскочил и под дикий ритм танца отчаянно хлопал, в восторге рычал.

* * *

Болотаева всегда поражало, что многие из тех, кого он по жизни так или иначе встречал, с крайним удивлением, даже со смешком, воспринимали то, что он окончил институт культуры, к тому же по специальности «хореография кавказских танцев». И хорошо, что позже опомнился, финансовую академию окончил, а то светило бы всю жизнь в ансамбле «Вайнах» плясать за гроши. И это в лучшем случае, ибо после так называемой первой чеченской войны танец лезгинка в России вовсе попал в разряд «диверсионной пропаганды и агитации». И так получилось, что, когда Тоте не по своей воле, но пришлось устраиваться на работу в весьма весомое министерство, к тому же в центральный аппарат, то ему посоветовали просто не указывать, что он имеет диплом «хореографа кавказских танцев». Этот совет Болотаев воспринял как оскорбление и, понятное дело, предоставил оба своих диплома.

— Институт культуры — финансовая академия, — рассматривала ди-

плумы начальник отдела кадров. — Вот видите, — «культура» в жизни не помогла, в отличие от «финансов».

На что Болотаев сказал:

— Культура — это совокупность всех человеческих достижений, а «финансы» — лишь совокупность денежных средств.

— Тем не менее — последнее и важнее, и нужнее, — полушутя, постановила начальница отдела кадров. — Хотите я вам это сейчас же докажу?

— Хочу, — сказал Болотаев.

— Вот смотрите. В вашей «трудо-вой» лишь одна запись, что вы были в ансамбле «Вайнах», а после — финансовая карьера.

— Это так, — вслух согласился Тота.

Однако, по жизни, конечно, не достижения, но безусловные навыки, полученные в институте культуры, постоянно помогали ему. И даже в тюрьме, точнее, тем более в тюрьме, эти навыки, а вернее — данный им по возможностям заключённого концерт — можно было назвать как сценический успех, ибо в тот же день, вопреки традиции, Болотаева перевели в другую камеру, где был некий простор, свет и тепло. Это значит, что искусство всегда и везде — сила! Даже начальник тюрьмы понял, что такой талант, такую культуру гнობить нельзя, ещё пригодится самому. И это вскоре случилось.

В честь пятидесятилетнего юбилея начальнику тюрьмы присвоено очередное звание — подполковни-

ка и ведомственная медаль. В связи с этим, тем более, что приедут гости из Красноярска, нужно было бы устроить торжество в ресторане «Центральный». Однако это, с некоторых пор, просто питейное заведение, дешёвая забегаловка. Можно было договориться и с Домом культуры, но и здесь, особенно внутри, всё обшарпано, запущено. Впрочем, всё это можно и нужно понять, всё взаимосвязано и взаимозависимо. В этом крае только тюремная система функционирует стабильно, здесь прежний, но порядок. Исходя из этого, хотя по положению и не положено, согласовав с краевым руководством, начальник тюрьмы решил провести свои юбилейные торжества в «своём» заведении, тем более, что в его распоряжении — два-три незаурядных исполнителя, где Болотаев — как бы главный режиссёр, по крайней мере, он дипломированный специалист. У этой труппы на сей раз была почти неделя для определения репертуара и даже репетиций. Словом, по местным возможностям и масштабам, это был замечательный концерт, который просто поразил гостей. А на следующий день случилось совсем неожиданное: Болотаева доставили в комнату для встреч с близкими людьми. Тота был так рад, думал сердце от счастья разорвётся — так стало весело оно биться.

«Кто же это может быть?» — думал он. Время всё шло и шло, и никто так и не появился, и его радость, почему-то улетучилась, и появилась

какая-то тревога, которая в последнее время всё более и более господствовала над ним, и, как бы в подтверждение этого, он вдруг услышал этот нарастающий, по-господски чеканящий шаг. Ещё не видя начальника, Тота уловил запах перегара. Оказывается, здесь был умело замаскированный проём — типа бокового окна, но как положено, тоже с решётками. Через этот проём начальник внимательно осмотрел заключённого и сходу выдал:

— Даже не ожидал. Я думал, что ты не сможешь, даже сорвёшься после такого... А ты молодцом. Как настоящий артист — профессионал своего дела.

— А почему я должен был «сорваться», гражданин начальник?

— Ну.., после таких вестей... Война в Чечне. Святой Георгий найти твоих не может.

— А вы как узнали? — вырвалось у Тоты.

— Я всё должен знать. Разве не так?

Тота склонил голову. Прощаясь с освобождающимся Георгием, Тота попросил найти своих родных и указать адрес заключения. И вот поступила весть, что связи с Чечнёй нет, там война! Значит, всякое может быть. А начальник, как бы уловив мысли Болотаева, говорит:

— Это не война. Это какой-то срам для России... А ты не волнуйся. Думаю, что Георгий и не искал их. Думаешь, ему до тебя и твоих родственников?.. Так, небось для отмаз-

ки, весточку прислал. Хм, лучше бы бабки подбросил... Впрочем, ты и так неплохо живёшь, — начальник вновь с ног до головы осмотрел осуждённого. — Так. Вчера был концерт для официальных лиц. А сегодня дашь концерт для моих близких и родных. Только повеселее. Понял?

— Нет, не понял, — вдруг, неожиданно даже для самого себя твёрдо ответил Болотаев.

— Что?! Что он сказал?! — возмутился начальник. — Клоун-артист не хочет выступать? Чечен в позу стал?.. Дежурный! Увести! Стакан!

* * *

«Стакан» — древнейшее изобретение, главная цель которого — физическое ограничение пространства, которое неизбежно сказывается следом и на психическом, умственном и нравственном состоянии живого существа, попадающего в такое положение. Понятно, что «стакан» — это современное название процесса. А в древности это проделывалось по-разному и называлось по-разному. Для примера можем вспомнить роман Чингиза Айтматова «Буранный полустанок» и его манкурта или роман «Учитель истории» и «соты Бейхами». В принципе, задача одна — поломать в корне суть и сущность человека. Правда, в XXI веке гуманизм, вроде, чуточку возобладал и, конечно, в яму — в «соты Бейхами» — не закапывают, просто из металла сварили параллелепипед, каждая сторона которого равна сорока

сантиметрам: длина рёбер среднего человека. Это, конечно, не пространство, а гроб, в котором ты к тому же должен стоять, а другую позу и занять невозможно. Из-за страха и удушья у посаженного в «стакан» начинается обильное выделение, в том числе изо рта и носа и даже кровь из ушей. Чтобы всё это особо не пачкало камеру и воздух, на ноги натягивают целлофановый мешок для сбора отходов. Болотаев слышал про ужас «стакана», однако так же как он думал, что никогда не попадёт в тюрьму, он так же не представлял, что он такой преступник, чтобы попасть в «стакан». По жизни Тота считал себя очень сильным и выносливым человеком, но «стакан» показал всё. Оказывается, были такие, кто выставлял сутками и даже испражнения уже вытекали из огромных целлофановых мешков. У Тоты и до щиколоток жижка не дошла, а он уже потерял сознание, вызвали врача. Потом был уже знакомый леденящий душ, который на сей раз принёс огромное облегчение. И новая роба, как будто сызнова родился. Правда, когда Тота понял, что снова оказался в комнате для свиданий, он понял, что его радость преждевременна, потому что он вновь уловил вначале запах застоялого перегара и потом этот гнетущегосподский шаг:

— Слушай, Болотаев.

— Слушаю, гражданин начальник, — постарался выправиться заключённый.

— Ведь не зря говорят, что талант-

ливый человек талантлив во всём. Раз ты так танцуешь по своему первому образованию — институт культуры, то я представляю какие ты кульбиты и пируэты с финансами и нашими налогами вытворял по второму образованию — академия финансов при правительстве РФ... Хе-хе, разве я не прав?

— Вы во всём правы, гражданин начальник!

— Тогда где бабки?

— Какие бабки?

— Которые ты у русского народа своровал.

— Я ничего не воровал, — очень тих голос Тоты.

— И осудили тебя ни за что?

Здесь начальник сделал долгую паузу и очень тихо, вкрадчиво:

— Может, снова, «стакан»?

— Нет! Нет! Нет!

— Тогда где бабки? На каких счетах? А, может, в Чечню увёз? Боевиков содержал?

— Нет! Нет! Не воровал. Нет у меня денег!

— Стакан!

— Не-е-ет! — закричал Тота и за это нарушение режима его тут же изрядно побили резиновыми дубинками. Били очень умело, но не долго — всего ударов пять-шесть, от которых Тота уже не смог встать и его просто потащили и как-то умудрились вновь запихнуть в «стакан», в этот футляр, в котором он и упасть не может и вскрикнуть уже не может и даже соображать не может. Однако он ещё живой. До скрежета зубов он сжал

челюсти и эта данность показалась ему, как последнее испытание в жизни. И неужели это он не выдержит? Конечно же, выдержит! Да ещё как. А вот как — он стал о металлические стенки «стакана» ритм лезгинки выбивать и, что-то на родном крича или воспевая, как-то танцевать. Снаружи стали бить. Последовала команда:

— Прекратить! — но Тота попытался продолжить. Это уже не получалось, уже голоса не было, просто писк, и охранники стали хохотать и даже подбадривать, чтобы он продолжал. И он так хотел, пока не провалился в беспамятство. Пришёл в себя в душевой. Вновь доставили его в гостевую, однако на сей раз он даже не заметил, как пришёл начальник и какой от него был запах. Он даже не реагировал, на вопросы не отвечал, и кто-то сказал:

— Посмотрите на его глаза, кажется, он рехнулся.

— Он артист. Притворяется.

— А вы дубинкой проверьте, — подсказал начальник. Вновь его стали бить, и он уже валялся на бетонном полу, как, вдруг, лёжа стал что-то орать, по-орлиному раздвинув руки, словно, и так танцует. Охранники оцепенели:

— Точно рехнулся.

— Может врача?

— А может так?! — сапогом в челюсть.

* * *

Позже, вспоминая это время, Болотаев не раз думал — смог бы он

выстоять? И, конечно же, понимал — исключено! Эту, сложившуюся за века российскую систему тюрем — переломить никто не смог. Можно было лишь подстроиться, приспособиться или просто сломаться и стать тряпкой, а иного — не дано. Правда, эта система один раз дала сбой или ослабление во времена последнего царя Николая II, когда заключённые каторжане могли без труда бежать из сибирской ссылки и оказывались в столицах России и даже за границей, скажем, Ленин и Сталин. Упомянутые преступники сделали соответствующие выводы и, имея опыт, не только восстановили тюремную систему России, они всю Россию, точнее, Советский Союз превратили в тюрьму, а некоторые народы поставили на грань выживания...

На грани выживания, уже почти сломленный и мечтающий о смерти был и Тота Болотаев, если бы не случилось то, о чём подсказывал Георгий — это помощь и сила извне. Она, эта сила, действительно появилась, потому что вдруг резко изменилось содержание Болотаева. Его понесли, сам он уже еле-еле мог передвигаться, в санчасть, а там и тёплая баня, и светлые палаты, и питание, и чистота, и медперсонал, который сутками что-то вливал в его вены посредством капельниц. Итогом всех процедур явилось то, что через три дня явно оживший и посвежевший Болотаев попал вновь в камеру для свиданий, а там его уже поджидает худой, лысый мужчина:

— Я местный адвокат, — представился он. — По поручению госпожи Амёлы Ибмас.

— Ибмас! — прошептал Тота. — Она здесь?

— Нет. Я с ней разговаривал по телефону. Она хочет приехать сюда. А пока я займусь вашим делом.

— А я могу поговорить с ней по телефону?

— За особые суммы — всё можно... Но пока у вас карантин, а ваша подруга жадничает.

— Амёла — не миллионер, — выпалил Болотаев.

— Я понимаю. Все европейцы такие. Хотя... Впрочем, лучше следовать закону. А посему пока вам и передачу сделать нельзя.

Тут адвокат сделал паузу, полез в портфель, очень долго что-то искал, вытащил какие-то документы:

— Кстати, — продолжил он, — у вас есть просьба, пожелания, вопросы?

— Есть! — тихо сказал Тота. — В Чечне война. Там моя мать, родные. Есть ли вести оттуда?

— Нет, — сух голос адвоката. — Зато могу поведать о гражданке Иноземцевой.

— Иноземцевой?! — глаза заключённого расширились, и он выдал. — Дада?!

— Да. Некая гражданка — Дада Иноземцева — здесь.

Болотаев схватился за голову, а адвокат тем же голосом продолжает:

— Эта гражданка совсем ненормальная. У тюрьмы стала с плакатом: «Чеченцев везде преследуют. Допу-

стите меня до Болотаева!» — Ха-ха-ха, — рассмеялся адвокат. — Ещё бы немного и она, если не сюда, то в дурдом бы точно угодила. Я её спас. Пока менты решали, как с ней быть, я её быстро утащил в гостиницу.

Тота опустил голову, молчал, а адвокат продолжил:

— С вашей статьёй, с вашим сроком — любое движение извне может только ещё более усугубить ваше состояние.

— Хм, — неволью ухмыльнулся заключённый, — а к вашему приходу меня, наоборот, в порядок привели.

— Это я позаботился, — поставил адвокат. — По просьбе вашей подруги, конечно.

— И во сколько это ей обошлось? — поинтересовался Болотаев.

— Зачем это вам? — стал недоволен адвокат. — Это коммерческая тайна. Впрочем, я удивлён. Одна из Швейцарии звонит, другая в такую глушь за заключённым?! Митинги у тюрьмы? В центре Сибири?.. Вы пользуетесь успехом у женщин. Хотя... Кстати, по-моему, эта Иноземцева значительно поиздержалась. Почти неделю здесь. Может, она уберётся отсюда?

— Конечно! Конечно! — согласился Тота.

— Если что — теперь я рядом — ваш адвокат.

— Да. Спасибо. Конечно, пусть уезжает.

— Кстати, кто она вам в юридическом плане?

— В юридическом? — замешкался арестант.

— Да. В юридическом? У вас гражданский брак или иное зарегистрированное партнёрство, либо родство.

— Моя жена.

— Хм, — с усмешкой выдал адвокат. — В общем, пусть убирается восвояси, а то... Сами понимаете — Сибирь. Здесь легко поскользнуться — и в прорубь, под лёд.

— Так лёд ведь уже сошёл? — удивился Тота.

— Вам кажется! — адвокат встал. — Тут вечная мерзлота. Сибирь! Понятно?

— Понятно.

— Вопросы, просьбы, пожелания есть? Кстати, в Чечне война. Кто-то воюет против нас?

— Нет.

— Понятно... Ещё что?

— Поблагодарите Амёлу и Даду... У меня всё нормально. Пусть не переживают.

— Вот это правильно. Нечего сюда переть, тем более с плакатами. Лучше пусть просто деньги пересылают мне, и вы жить станете лучше... Ещё вопросы есть?

— Есть, — слабо улыбнулся Тота. — А вы адвокат или прокурор?

— Хм. Раньше был милиционером, потом прокурором. Теперь на пенсии — адвокат. И вам какая разница — адвокат я или прокурор? Мы здесь хозяева! Всё ясно?

— Ясно.

* * *

О таком карьерном взлёте Болотаева даже и не мечтал. В честь 60-летия

великого танцора, Народного артиста СССР, Героя социалистического труда Махмуда Эсамбаева в государственном киноконцертном зале «Россия» состоится юбилейный концерт, где Тота Болотаев исполнит сольный танец «Маршал». Гениальный танцор, кумир Тоты — сам Махмуд Эсамбаев увидел мастерство Болотаева и настоял, чтобы включили в концертную часть выступление молодого артиста. При этом Эсамбаев при всех сказал, что Тота — лучший из молодых и его наследник... Видимо, есть такое понятие, как зависть или сглаз, ибо этот концерт стал последним в профессиональной карьере Болотаева. Хотя, дело, конечно, не в этом, а совсем в ином.

Тота первый раз был в Москве, и настроение у него было приподнятое.

Правда, было одно «но». Его танцевальные сапожки уже износились, несколько раз сдавал их в мастерскую на ремонт и даже сам как-то их подшивал. В Москве обещали купить новые, не купили.

...И вот Тота стоит за кулисами, и когда его объявили, он, как горный орёл, выскочил на сцену и сам чувствовал, в какой он форме и как он хочет, очень хочет не просто себя показать, а именно танцевать, когда не только тело, но и душа ликует. Да случилось ужасное — старые, изношенные сапоги разошлись по швам... Тота резко сошёл со сцены и, как оказалось, навсегда.

Коллеги и руководство понимали,

что артист не виноват — всё бедно, всё обветшало и денег ни на зарплату, ни на командировочные нет, и все Болотаева успокаивали. Однако Болотаев тут же твёрдо решил: в России искусство, тем более национальные танцы, не нужны.

...На этом карьера танцора закончилась. Уходя из ансамбля, он терял бронь от службы в армии. Но и это он посчитал во благо, ибо лучше два года отслужить, чем в изношенных сапогах за бесплатно всю жизнь танцевать, ожидая посмертной славы... У него был ещё шанс поступить на очное отделение. Тогда общежитие и прописка в Москве на пять лет гарантированы. А насчёт средств? Не ребёнок и не в лесу, а здоровый молодой человек, который хотя бы самого себя в таком богатом мегаполисе содержать обязан. А в перспективе, после окончания вуза, он обязан содержать и своих близких, а для этого он должен поступить в самый лучший вуз, где учат, как делать деньги и это, конечно же, финансовая академия. Всё это не абсурд, ибо он изначально и основательно готовился поступать именно по экономической специальности. Правда, годы прошли, и многое позабылось. Однако, если, особенно в молодости, выучено основательно, как скажем, катание на коньках или игра в шахматы, то можно даже двадцать-тридцать лет вообще дело не практиковать, да если надо и захочется, то после небольших тренировок многое восстанавливается, а у Тоты было два месяца

в запасе и была огромная мотивация и опыт поступления в вуз, и он сходу поступил на дневное отделение, чем в очередной раз удивил и обрадовал маму. Кому-то, может, показалось всё это ребячество и несерьёзно — вечный студент. Однако сам Тота так не считал, и он абсолютно не жалел, что сперва окончил институт культуры, ибо уже знал, что жизнь — игра и все великие дела делаются играючи, а ещё лучше — при этом пританцовывая. И последнее в случае с Болотаевым, весьма и весьма необходимое и достаточное условие. Ибо обеспокоенная мать у него спросила:

— Тота, сынок, а на что ты будешь там жить?

— Не волнуйся, нана, — успокаивал её Тота, — у меня ведь есть высшее образование!

Именно оно, и знания, и диплом института культуры обеспечивали его жизнь. Грозный и даже Тбилиси — это просто провинциальные города. А Москва — столица, город влиятельных и богатых людей. А богатые люди любят отдыхать и гулять. Ну, а русские богатые люди во все времена любили широко гулять. Ещё шире, то есть с огромными понтами, пытались гулять приезжие в столицу нацмены, особенно кавказцы. Правда мест отдыха, точнее ресторанов и кафе в социалистической столице не густо, однако, те что есть постоянно забиты, свободных мест нет, а хочешь погулять — раскошеливайся, и от желающих отбоя нет. В общем, уже имея опыт Тбилиси и Грозного,

Тота посетил несколько крутых ресторанов с предложением украсить досуг москвичей. Администраторы некоторых ресторанов ознакомились с репертуаром заезжего артиста — абитуриента — студента и были очень довольны, потому что Тота уже знал, что востребовано в советских ресторанах. И пока администраторы думали, Тота предоставлял свой козырь — «диплом с отличием». В Советском Союзе — главное даже не мастерство, а наличие документа, что ты имеешь право петь, танцевать, «кормить» советских граждан творческой пищей. Несколько ресторанов предложили Болотаеву работу, он выбрал «Столичный», потому что тут же рядом на Ленинградском проспекте — находилась и его академия финансов. И в те вечера — среда, пятница и суббота, когда Тота работал, в ресторане почти что всегда отдыхали два-три преподавателя из его вуза; в целом — почти все сотрудники факультета и ректората. В итоге они высоко оценили щедрость и, конечно же, искусство Болотаева, которое призывало к ответной реакции. В результате чего профессорско-преподавательский состав академии одобрил решение, что студент Болотаев — уже дипломированный специалист и такие общие предметы, как, скажем, история КПСС, философия, этика и т.д. сданы на отлично, ну, а математику и финансово-экономические — можно сдавать экстерном, то есть, как в СССР принято — пятилетка в три года. Правда, на сей раз диплом уже

был не красный, а обычный. Вот так Болотаев получил второе высшее образование — финансовое. К своему удивлению он обнаружил, что этот диплом гораздо хуже первого, ибо работа — а тут строгое госраспределение — экономиста-бухгалтера в НИИ геологоразведочного объединения подразумевает зарплату всего 80 рублей в месяц — это чуть более, чем его стипендия студента. При этом уже общежития нет, жить негде и прописки соответственно нет, и призвать в армию вновь грозят, а он для срочной службы не молод — уже 25 лет! И тут профессорско-преподавательский состав ему навстречу пошёл, как особо одарённому выпускнику. Болотаеву даётся направление в очную аспирантуру, при условии, что он сдаст вступительный экзамен «управление финансами» и два кандидатских минимума — по философии и иностранному языку. Так Болотаев был зачислен в очную аспирантуру, а вместе с этим — вновь бронь от армии, прописка в Москве и общежитие, но уже более комфортабельное и престижное, ибо он уже не студент, а аспирант. Это статус! В Советском Союзе это имело вес и значение, а Тота, который об этом даже не мечтал, к этому отнёсся весьма серьёзно, тем более, что и мать была за него горда. Так неожиданно Болотаев встал на научную стезю и ему надо было определиться с темой исследования. Вариантов было много, но научный руководитель сказал:

— Исходить надо из того, что конкретно имеем. А имеем то, что ты по государственному распределению должен был быть в НИИ геологоразведки. Вот и будешь там разведывать тему своего исследования.

Вот так возникло плановое название диссертации: «Экономическая эффективность разработки нефтегазовых месторождений» (на примере Западно-Сибирского региона). По сравнению со студенчеством, аспирантура оказалась просто лафа. Занятий, как таковых, почти нет, только раз-два в месяц некие семинары, и они не обязательные. Экзаменов и зачётов вовсе нет. Словом, как потом вспоминал сам Болотаев — это было самое счастливое, свободное, беззаботное время в его жизни. Тогда был молод, здоров, силён, и даже деньги появились. А последнее от того, что Тоту снова страстно потянуло в лоно искусства. По совету одного музыканта, Тота ушёл из ресторана «Столичный», подписал договор с Москонцертом и в составе этно-ансамбля «Дружба», где он и ударник, и танцор, и даже певец, стал гастролировать с концертами по огромной стране. Почему Тоте всё это понравилось? Как говорится, «было в кайф», и при этом неплохая зарплата и даже командировочные. А потом, на летний сезон, стало ещё лучше. Их коллектив на три месяца прикрепился к пансионату «Сосновый» на берегу Чёрного моря. Вечером два-три часа — непринуждённый концерт для расслабленной

публики. А остальное время — почти на халяву отдыхаешь; солнце, загар, популярность и море. Море поклонниц. Жизнь на юге так наладилась, что Болотаев даже смог пригласить на отдых своего научного руководителя, который после отдыха сказал провожающему аспиранту:

— Тота спасибо... А как руководитель, тем более научный, обязан дать совет — надо выбирать: либо аспирантура, либо филармония... Сложный вопрос? Дам подсказку: есть басня Крылова «Стрекоза и муравей»... В общем, если в конце года не будет пары опубликованных статей и хотя бы готовой первой главы диссертации — отчислим!

И без того загорелый Болотаев совсем стал пунцовым, а профессор усмехнулся:

— Я по-отечески, а ты насупился... Делай что хочешь, но басню всё же прочитай, — с этими словами руководитель помахал рукой, тут же поезд медленно тронулся, издавая замирающий, жалобный гудок, который напомнил Тоте фальшивые ноты этих летних хмельных концертов. Скрываясь за поворотом, поезд дал ещё один прощальный гудок — это Тота, даже не перечитывая басню классика, уже решил, что он прощается с Москонцертом, и навсегда. Из-за этого неожиданного решения Болотаев понёс значительный финансовый ущерб, но ему уже давным-давно надоела эта праздная, даже похабная жизнь, и эта потеря воспринималась как положенный выкуп и, вообще, это был

харам⁸, и когда на следующий день он приземлился в аэропорту Внуково, он с удовольствием воспринял сентябрьскую московскую прохладу и сразу же поехал на железнодорожный вокзал — встречать своего научного руководителя.

* * *

Мафия. Болотаев, как-то посмотрев фильм «Крестный отец», подумал, что мафия — это кому-то хорошо, кому-то плохо, но, слава Богу, что мафия только в кино или в Италии и Америке, а в Советском Союзе такого и быть не может. Оказывается, ещё как может. Его черноморский демарш, хотя Болотаев и сделал всё открыто и официально, в эстрадных кругах столицы восприняли, как явно дурной тон и заочно постановили — что ещё можно было ожидать от этого чечена-дикаря? В общем, более к эстраде «не пущать». И какова сила этой организации, если не только ресторан «Столичный» или иные «центровые» заведения, но даже забегаловки не хотят с Болотаевым дело иметь. Это было потрясение, и Тота даже не ожидал, что в сфере искусства, в культуре, могут господствовать такие нравы, и хорошо, что у него был запасной «аэродром», иная специальность. А потом понял, что нет худа без добра. До этого он всегда был привязан к работе, а для этого требовалось быть в форме,

в том числе и физической. Это постоянное напряжение, этот график, обязывающий постоянно кого-то развлекать и расслаблять, так оказывается над ним довлел, что он только теперь обнаружил, что уже пару лет не был в Грозном; правда мать к нему за это время несколько раз приезжала. В общем, отпросился Тота у научного руководителя на пару недель, полетел домой. А в Грозном тоска... Нет, всё мило. И дом есть дом. Однако вечером пойти некуда. Страшная безработица, в магазинах купить нечего, да и денег ни у кого нет. Пошёл Тота и в свой ансамбль. И там ситуация плачевная. Зарплата — копейки. Костюмы и инвентарь — хорошо, что зрители издалека не видят.

Загрустил Тота. И трёх дней в Грозном не провёл, матери сказал, что из аспирантуры вызывают. А мать говорит:

— Жениться тебе надо.

— Вот заработаю, женюсь, — пообещал сын.

— Что-то ты очень грустный, — опечалилась мать. — Раньше ты был такой задорный... Что-то случилось?

— Нет, нет. Всё нормально, — успокаивал Тота. — Просто диссертация, наука, сама понимаешь нелегко.

— А ресторан? — вдруг спросила мать.

— Что значит «ресторан»? — удивился Тота.

— Говорят, что ты в ресторанах танцуешь, поёшь.

— А что, нельзя в ресторанах петь, танцевать?

⁸ Харам (араб.) — греховное деяние, запрещённое в исламе.

— За деньги — нельзя, — гневно сказала мать.

— А на сцене можно?

— Это другое... Хотя ты знаешь, что я.., — она не продолжила, но Тота знал, что она хотела сказать. А она хотела сказать, что, хотя сама артистка и всю жизнь проработала в театре и очень-очень предана профессии или, как она говорит, судьбе, однако не хочет, чтобы её сын стал артистом.

Теперь, провожая его в Москву, не найдя иных слов, она решила поступить по другому:

— Тота, сынок, — с болью молвила мать, — вспомни нашу притчу, что сосед старик тебе рассказывал. ...У чеченцев есть такое поверье... Бог создал людей, и все они разные. Однако Всевышний любит всех одинаково. Тогда почему у людей судьбы разные? А потому, что сами люди должны выбрать свой путь. Ибо Создатель каждому человеку в какой-то момент присылает необузданного, сильного, молодого, строптивого жеребца. И в этот момент, а он неизвестен, каждый человек должен быть готовым и физически, и умственно, и морально, схватить этого коня, обуздать и, главное, направить его в нужном направлении. И тогда человек будет счастлив. А иначе...

— К чему ты это напомнила? — поинтересовался Тота у матери.

— А к тому, что даже сидеть на двух стульях тяжело, а двух коней тем более не обуздаешь.

— А это о чём?

— Пора выбирать: либо танцы —

либо финансы. Раз в аспирантуру поступил, то время зря не трать, а занимайся делом.

Если и вправду заниматься делом, то по теме диссертации Болотаева, впрочем, как и во всей науке, необходимо как можно ближе и больше быть там, где нефть непосредственно добывают, то есть в Западной Сибири, а ещё точнее — на самой буровой или хотя бы в конторе управления буровых работ, то есть на месте бурения и добычи. К концу года аспиранту необходимо было показать не только теорию, но, что собственно важно, и практику исследования, поэтому, как рекомендовал научный руководитель и ведущая организация, в декабре Болотаев впервые отправился в Сибирь, в нефтяной посёлок Когалым. Болотаев не знал, что такое районы Крайнего Севера, что такое приполярный круг и активированные дни, когда мороз под минус 50°C. Он молод, здоров и эта поездка будет недолгой, просто ознакомительная командировка. К тому же, он навёл кое-какие справки и посему кое-что, такое как тёплая шапка, перчатки и обувь прикупил. Однако его романтизм исчез, когда он вышел из самолёта в Сургуте. Ощущая острую физическую немощь, он еле-еле дошёл до помещения, которое называлось аэровокзал — на самом деле какой-то сарай, в котором зимовали воробьи и голуби, и тоже так холодно, что разве вода ещё не замерзает, но пар изо рта идёт. И если бы Тота не был привязан к группе из НИИ гео-

логоразведки, он бы, наверное, тут же улетел обратно в Москву. Однако всё более-менее организовано — их встречает оборудованный для Крайнего Севера «Урал». В задней кабине светло, тепло, просторно. Как тронулись, достали бутылки. Тот почти не пил, потому что танцор, как и спортсмен, всегда должен был быть в форме. Правда, как тот же танцор и артист, он постоянно оказывался в компаниях поющих, гуляющих и без спиртного так же поддавался общему возбуждению, азарту и разговору. На сей раз этого не было, с неисчезающим любопытством Тот смотрел в небольшое окно: эта белая дорога — бесконечна; редкие островки истерзанных сосен; за горизонтом медленно исчезающее багровое солнце и снег, огромное количество снега, который стеною выше двух метров кругом.

На следующий день эта суровость исчезла, потому что стало, как местные говорили, тепло, всего минус 20. И, действительно, минус 20 в Москве — это очень непросто. А здесь воздух сухой, и такой мороз даже не ощущается.

А вот, впервые попав на буровую установку, Болотаев был просто потрясён — работа тяжёлая и опасная. Здесь — нехватка кислорода и каждое движение тяжело даётся. И Тот думает, ведь эти рабочие, что в этом холоде, в непогоде и в грязи добывают нефть, получают лишь копейки по сравнению с теми боссами в Москве, которые нефти даже не видели,

а миллионы имеют.

Считать чужие деньги — интереса нет, а вот изучить процесс бурения, добычи и перекачки нефти он на месте просто обязан. Но как простому финансисту понять этот производственно-технологический процесс? А понять, оказывается, возможно, если представить, что это не просто буровая установка, а цельный, живой и удивительный ансамбль, где у каждого инструмента при соприкосновении с человеком появляется свой звук, своя музыка и даже отточенный репертуар, который, конечно же, иногда даёт сбой, аварию или открытый фонтан или, наоборот, пустой выброс жижи... Вот с такой, можно сказать, музыкальностью, шла ознакомительная поездка Болотаева к завершению, как случилось неожиданное и прежде неведомое для него — новичка. Как бывает на приполярном севере — резко упала температура — от минус 20 до 50. Минус 42 — уже так называемый активированный день. Болотаев и представления не имел, что это такое, но он застал этот кошмар на буровой. Вместе с Болотаевым девять человек закрылись в небольшой, оборудованной комнате. И всё бы, вроде, под контролем, но у Тоты завтра самолёт на Москву. Как назло, в этот день дежурный «Урал» на буровой не оказался. Решили помочь аспиранту, рискнули ехать до посёлка — это всего семь километров, на «Уазике». Проехав километра два «Уазик» заглох — видимо, бензин или масло замёрзли. Была рация. Но

она и так почти никогда не работала, а в этот момент даже не пищала — весь мир замёрз.

Тота ещё не понимал серьёзности ситуации, а водитель заволновался не на шутку.

Вначале решили подождать, может, будет проезжать кто-либо. Однако дорога периферийная. Ждали полчаса. Уже стемнело. И в машине стало холодно. Решили идти обратно к буровой, — это кажется ближе. Тронулись в путь и водитель, который, конечно же, знал местность, свернул в какой-то проход меж снежных стен, по которому тропа гораздо короче. К ночи мороз усилился, стал совсем лютым. Не то, что бежать, даже идти невозможно — холод лицо обжигает, дышать тяжело. У водителя одежда соответствующая — большой овчинный тулуп, выдаваемый дежурным бурильщикам, а приезжий одет на столичный лад. Из последних сил Болотаев пытался не отставать от водителя, но силы покинули его, он упал на колени. Тень удалилась. Потом вернулась.

— Вставай! Ты не можешь идти? Так мы оба здесь замёрзнем. Возвращайся к машине, — посоветовал водитель. — Я до буровой и с подмогой обратно, — последнее, что услышал Болотаев. Им овладевала какая-то апатия и сонливость. Однако, когда его напарник скрылся за поворотом и наступила жестокая тишина, он испугался. Испугался, как никогда. Испугался смерти. Такой глупой смерти. Он вспомнил о матери. Как она пере-

несёт смерть единственного сына?! Этот страх что-то в нём всколыхнул, придал силы. Он с трудом поднялся, пошёл было обратно к машине, но потом его сознание поманило за ушедшим, и он пошёл за ним. И он ещё помнил, как добрёл до какой-то развилки. А куда идти?.. Ему показалось, что небо в одной стороне чуточку светлее — это, может быть, огни буровой... После этого он ещё пару раз приходил в себя и ещё помнит, как у рта слюна замёрзла, и он пытался её скрести, но руки уже не слушались, всё помутнело, всё замёрзло, оледенело.

...Дальнейшее Болотаев смог восстановить по рассказу Дады Иноземцевой. Иноземцева тогда работала фельдшером в санчасти посёлка Когалым — это сутки работы — двое отдыхать. А чтобы больше подзаработать, она ещё устроилась на полставки дежурной медсестрой у вахтовиков-энергетиков. Объявили активированный день. Иноземцева была на дежурстве у энергетиков, когда по рации стали передавать, что по дороге от буровой 27 на Когалым поломалась машина. Водитель вернулся, судьба пассажира неизвестна. От Когалыма на буровую прибыл аварийный «Урал». Сломанный пустой «Уазик» нашли. В эфире поднялась паника — пропал москвич. Сказали, что его зовут Тота Болотаев — чеченец. Потом рация умолкла, наступила тишина, которую в ушах Иноземцевой отчего-то стал нарушать всё возрастающий пульс. Иноземцева

помнила, что в детдоме, ещё в малом возрасте, её почему-то порою даже воспитатели называли, а дети обзывали — «чеченка-дикарка». Позже её перевели в другой детдом, и у неё осталась только кличка «дикарка», первая часть — «чеченка» — навсегда исчезла, о ней просто позабыли все, в том числе и сама Иноземцева. Повзрослев, Дада Иноземцева узнала, что чеченка — это не просто так, а национальность.

Уже обучаясь в медучилище, она поехала в свой первый детдом. Она конечно же, никого не помнила, но ей подсказали, что есть бабушка Клава, которая что-то ещё знает и помнит. Иноземцева нашла бабу Клаву. Та жила в старой, грязной комнате деревянного барачного дома в окружении нескольких кошек и не очень здоровой приёмной дочери. Дадю поразило то, что баба Клава сразу же узнала её, а когда гостя стала докапываться до подробностей, бабуля сказала, что узнала Иноземцеву по шраму:

— А более ничего не помню, — словно под панцирем скрылась и жёстко-командным жестом указала на дверь. Так Иноземцева толком ничего и не узнала, но она, на всякий случай, оставила координаты и в первом детдоме и у дочери бабы Клавы. Никто на связь с ней не выходил, и Дада о своей кличке более не вспоминала, никогда в жизни чеченцев не встречала и тут по радию услышала о каком-то чеченце. Судя по переговорам, и об этом в эфире говорили, наверное, этот чеченец-

москвич находится в районе между буровой и дежуркой энергетиков. При нормальной погоде это небольшое расстояние для поиска, но при том, что уже минус пятьдесят, а может, и ещё ниже, никто рисковать не захочет и даже запрещено, а Иноземцевой даже в обычный день категорически запрещено покидать пост, но её что-то немыслимое поманило, повлекло. А ведь она на самом Крайнем Севере выросла и прекрасно знает, что с такими морозами шутить нельзя. На таком морозе замерзает и умирает всё — воля, мозг, кровь, жизнь. Но она упрямо пошла. И ей, а точнее Болотаеву, просто повезло. К дежурке энергетиков подходило шесть дорожек с разных сторон. А Иноземцева наугад двинулась, понимая, что далеко не сможет пойти и тут за небольшим поворотом увидела чёрную тень, как приставленный к стене мешок. Болотаев присел на корточки и в такой позе остывал, когда его тронула Иноземцева и через одежду сразу сделала ему укол, что следовало делать в случае обморожения. Никто, в том числе и сама Дада, после не могли понять и поверить, как с такого расстояния, в такой мороз, когда и самому идти тяжело, она дотащила москвича до дежурки... По этому поводу у Болотаева и Иноземцевой сложились две легенды. Так Тота, когда ещё только-только приехал в Тбилиси, решил, как и многие местные жители, потреблять местное вино, веря, что оно раскрепощает, вдохновляет

и возбуждает в танце. Оказалось, совсем наоборот. И с тех пор Тота вообще не пил крепкие напитки. А Иноземцева не просто крепким, а спиртом его напоила, спиртом растёрла. И как позднее Тота шутил, если бы он чуть задержался, то алкоголиком бы стал. Совсем иначе звучала легенда Дады Иноземцевой. Она говорила, что, согласно древнему преданию чеченцев, о котором Тота позже поведал, Творец послал ей, как и всем

людям, скакуна, но её бедный скакун от мороза замёрз, не доскакал, и так бы она и осталась в одиночестве, не познав любви. Однако она решилась побороться за своё счастье, несмотря на лютый мороз, выскочила навстречу скакуну-жеребцу. Правда, не сама его обузда, а его на себя взвалила и в дежурку притащила. Оживила, но не обузда, не удержала. Наоборот, всё сделала, чтобы Болотаев на следующий день улетел в Москву...